

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

КУРИЦА

Комедия в двух действиях.

Действующие лица:

Алла, актриса, 35 лет

Диана, ее подруга, актриса, около 40 лет

Нонна, "Курица", молодая актриса, 20 лет

Федор, главный режиссер театра, 40 лет

Василий, администратор театра, 35 лет

Массовка - десять человек на заднем плане сцены.

*Маленький провинциальный городок Доцатов.
Комната в рабочем общежитии. Наши дни.*

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Нонна Дубовицкая, артистка местного, Доцатовского драматического театра живет в рабочем общежитии, так как больше ей жить негде. Комната ее обставлена очень скромно. Вернее, и обстановки-то никакой нет, а так, барахло театральное, какие-то старые декорации притащила Нонна в комнату и расставила. На окне - горшочки с вьющимися растениями. На стенах афиши. На веревке в углу сушится белье: трусики-шмусики. Умывальник отгорожен шифоньером. На двери висят страшные маски. На полке несколько книг. Правильно: Товстоногов, А. Чехов... Кто еще? Ага, Станиславский...

У двери стол. На нем посуда, сковородка, кастрюлька. Полотенчиком прикрыто. Неохота Нонне мыть посуду. Некогда. Она ведь артистка, а не кто-нибудь там... Под столом пустые бутылки. Нет, не молочные. На тумбочке у кровати сухие цветы в вазе. Вместо абажура какой-то необыкновенный огромный шар из ниток. Чемоданчик под кроватью. И - кровать. О, какая кровать! Не кровать, а ложе! Огромное ложе, чуть ли не в полкомнаты. А на стене у кровати - коврик. С лебедями.

Кто-то спит на кровати. Самый сон, надо сказать. Пять часов утра. За окном - лето. Конец мая, начало июня. Для артистов - счастливое предгастрольное время, сулящее в скором будущем дальние города и страны, беззаботность, пьянку, новых людей, поклонников и поклонниц... Птички щебечут. Проснулись уже, собаки... Казалось бы: тишь да гладь. Как когда-то писали в романах: "Ничто не предвещало бури..."

Но... Не бывает наша жизнь безоблачной. Так-то вот.

Тишину нарушает зверский удар в дверь. Крючок вылетел, дверь распахнулась. В грязном, обшарпанном коридоре общежития на пороге комнаты стоит - руки в боки, сумочка через плечо - стоит АЛЛА КОСТРОВА, ведущая артистка Доцатовского драматического театра. Огонь в глазах ее пылает! В столь ранний час Алла одета, обута, завита, покрашена. На лице у Аллы сухие слезы. Она - достаточно полная дама, такая героиня пьес А. Н. Островского. Но не распустиха: животик у Аллы подобран. Лицо Аллы выражает: "Я пришла вам всем бить морды!!!!"

Нет. Нет. Стоп. С начала. Это выражение не подходит. Вот, лучше так: "Я пришла вас всех убивать!!!!"

Итак - начали!

АЛЛА. (Стоит за порогом, говорит негромко, но твердо.) А ну, вставай, курица. Ну?! Быстро?!

Вошла в комнату, включила верхний свет, села в кресло, положила ногу на ногу, закурила. Нонна вылезла из-под одеяла. Глаза у Нонны слиплись, головка неразумная - в бигудях.

НОННА. *(Не проснулась еще.)* Что такое?

Говорит свой текст эдаким вот образом: “Что-о-о такое-э-э-э?!”

АЛЛА. *(Спокойно, сдержанно, собранно.)* Нет, вы посмотрите только на нее, посмотрите! Какая она у нас томно-жэтэмная, жмуроглазая! Да ничего такого, милая. Вставай, артистка Нонна Дубовицкая. Я тебе, кстати, новую фамилию придумала: Нонна Дубоватая. А? Как тебе? Вставай. Надо мне с тобой, курица, разобраться. Да, да, дорогая, разобраться. Давай тихо, спокойно разберемся. Таким вот Ругон-Макаром. Разбере-о-омся! Общага у вас не кабелирована. Извини, что не смогла позвонить тебе, предупредить о своем внезапном желании побеседовать с тобой. По душам побеседовать, без свидетелей. Прости, пожалуйста, что пришла я к тебе без звонка в такую рань, в пять утра. Нарушила твой покой и сон. Прости. Прости меня. Видишь, какая я интеллигентная, видишь, как я с тобой, Дубоватой, ласково разговариваю...

НОННА. *(Все так же.)* Что такое?

АЛЛА. Я тебе говорю, что я не по-жлобски все решаю, а интеллигентно. Вот, извиняюсь перед тобой, хотя тебе, курица, надо было с ходу, прямо от порога - бить морду кирпичом. Потому что у тебя морда кирпича просит, понимаешь? Ну, это - ладно, это - потом. Я очень, очень, очень интеллигентно с тобой разговариваю, курица. Чтоб потом ничего не говорила про мою невоспитанность. Давай, курица, собирайся, давай. Давай. На шайтан-арбу и - вперед. Сматывайся отсюда, куда хочешь. Уезжай подальше, куда ворон костей не заносил. *(Пауза. Что есть силы:)* Поняла?!

НОННА. Да что такое?

АЛЛА. *(Кричит.)* На шайтан-арбу, говорю тебе, на шайтан-арбу!!!

НОННА. *(Вертит головой.)* Да на какую на шайтан-арбу, о чем вы?

АЛЛА. *(Зло смеется, курит.)* Что ты выпучила глаза, как бешеная селедка? Не понимаешь ничего, да? Шайтан-арба на твоём языке: паровоз. Ты ведь всем в театре заливала баки, что в тебе много ханской крови намешано! Вот я и говорю тебе, татарва, чтоб понятно было: на шайтан-арбу давай, потомок Чингис-хана! На паровоз, на поезд пришла я тебя посадить! Я ведь с тобой цацкаться не буду, высший свет разводить тут, как некоторые, не собираюсь, нет, не собираюсь! Я сказала тебе: вставай! Ну?! Хватит ломать подушку, курица! Ты у меня мухой полетишь отсюда, мухой-цокотухой! Ой, полетишь, дорогуша моя, ой, полетишь...

НОННА. *(Все так же вертит головой, ничего не соображая.)* А сколько сейчас время?

АЛЛА. *(Злорадно хохочет.)* О, великая русская языка! О, предок монголо-татар! И это говорит актриса! Инженер человеческих душ и чужих мужиков! Нет, вы посмотрите только на нее, какая она образованная! “Сколько время?” говорит! Сколько в ней такта, ума, тонкости, образованности, культуры-мультикультуры! *(Пауза. Тихо.)* Ах ты, артистка Удмуртского театра имени Леси Украинки...

НОННА. *(Начала осторожненько вылезать из-под одеяла.)* Неправда... Я там никогда не работала, Алла Ивановна... Неправда...

АЛЛА. Ах, я тебе Алла Ивановна? Да? Ах, ты там никогда не работала, да? Не бывала пока еще в Удмуртии? Не работала ты пока еще в Сарапуле, в Глазове, в Воткинске, в Каракулине? Не работала?! Ты пока все еще по средней полосе России промышленяешь, да? Так, да? Ну вот. Очень хорошо. Сейчас сядешь на паровоз и поедешь, поработаешь в Сарапуле. Или где-нибудь еще там, в какой-нибудь другой дыре. А тут, милая, в этом театре - в моем театре! - ты свое отработала! Тут твоего присутствия хватило ровно на

полгода! Весь Дощатов ты на уши подняла! Все! Баста! Каюк! Амба! Финиш!! Киздец подкрался незаметно! Конец фильма! Ценок амьлиф! Поняла? ?!!!

НОННА. Вы знаете, Алла Ивановна, я - сова, я - не жаворонок, я еще не проснулась... Еще только пять часов... Я, к сожалению, ничего не могу понять из вашего монолога...

АЛЛА. *(Встала, подбоченилась.)* Ах, ты сова, да? Ах, ты не жаворонок, да? Ах, ты ничего не можешь понять из моего монолога, да? Ах ты, курица мокрая... Да я ж тебя, гадину подколодную, сейчас ушкандехаю!!! Наживлю тебя!!! Втетерю тебе!!! Впендюрю тебе, паскудина!!! Ну, смерть твоя пришла, курица, здоровайся с нею, ну?! Ах ты... ах ты... ах ты... А-а-а-а-а!!!!!!

Алла завизжала, что есть силы и кинулась к Нонне. Нонна тоже перепугано вопит. И, наверное, быть бы первому трупу в нашей истории, потому что Алла сорвала с Нонны одеяло и собралась душить "курицу"...

Но застыла.

Под одеялом рядом с Нонной лежит мужчина. Он испуганно натягивает одеяло до подбородка, прячется. Мужчина этот - конечно же, главный режиссер Дощатовского драматического театра ФЕДОР ИЛЬИЧ ГАЛАКТИОНОВ. Почему "конечно же"? Откуда я знаю. Ну, а кому еще быть в постели у молодой артистки? Ну, то-то же...

ФЕДОР. *(Кашлянул в сухонький кулачок, поправил бородку.)* Доброе утро, Алла Ивановна... Как настроение? Как ваши дела? Как поживаете? *(Вертит головой.)* Вы... вы... вы... вы готовы к сегодняшней репетиции?

Алла долго стоит с открытым ртом. Нонна и Федор лежат под одеялом. Только бошки ихние выглядывают.

В стены комнаты, в пол, в потолок стучат кулаками жильцы-соседи: "Да что это такое с утра пораньше началось? А ну, дайте спать! Хватит! Прекратите сейчас же! Тихо-о-о-о!!!!"

АЛЛА. *(Кричит в стену.)* Молчать! Ни слова! *(Топнула ногой.)* Заткнитесь сами! Что хотим, то и делаем! Молчать!!!

МОЛЧАНИЕ.

Алла повернулась к кровати, смотрит на Федора и Нонну. Принялась ходить по комнате, картинно хохотать.

Пот-ря-са-юще! Вот это номер - я чуть не помер! С ума сойти! Ну, Федор Ильич, я никак, ну никак не могла ожидать, что встречу вас здесь! Никак! Нет, я, конечно, могла предположить все, что угодно, но только не вас! Ну, монтировщик декораций, или наш шофер, или вахтер - это да! Но чтоб вы! Вы! И тут! Главный режиссер театра и чтоб здесь, в этой постели... Ну, никак, никак не ожидала! Даже в мыслях себе такое не могла представить! *(Пауза.)* Кстати, давно у вас хотела спросить, Федор Ильич. Это не о вас, случайно говорят: "В кабинете главного режиссера стоял дивана для распределения ролей и повышения тарификационных ставок"? Не о вас, нет?

ФЕДОР. *(Медленно.)* Не-ет... Не обо мне...

АЛЛА. Ага. Понятно. Это о каком-нибудь другом режиссере, наверное. Ну, понятно, понятно. Ну и как вы спали? *(Пауза.)* Мухи вас не обосрали?

ФЕДОР. Мы работали над ролью.

АЛЛА. Я рада. Я очень рада! Нет, товарищи зрители, вы посмотрите только, какая аркадская идиллия! Ни гласа, ни воздыхания! Они работали над ролью! Спят себе, голубки. Трын-трава им. Замечательно-с! Лабардан-с, лабардан-с! Ну, что же. Это во многом меняет наше дело. Ставит, так сказать, точки над "И". Во многом меняет. Я думаю, дорогой Федор Ильич, что вы понимаете тот факт, что сегодня же весь театр - слышите? весь! - будет знать о том, что я вас тут, так сказать, застукала во время работы над ролью! Сегодня же все узнают! Еще до начала утренней репетиции! А завтра - горком,

облисполком, обком, райсовет, облсовет, райздравотдел, управление культуры и все прочие общественные организации! *(Злорадно хохочет.)*

ФЕДОР. Но я не вижу криминала... В чем дело, Алла Ивановна? Вы, должно быть, не знаете, что я сделал предложение Нонне... Нонночке! И она скоро станет моей женой! И потому я могу спать сколько угодно и где угодно! *(Пауза.)* Так что, пожалуйста, уходите! *(Визгливо.)* Уходите! Немедленно! Дайте людям спать! Как вас сюда пропустили? Я потребую, чтобы этого вахтера выгнали с работы! Бардак какой-то! Я этого так не оставлю! Ну, быстро, быстро!

АЛЛА. *(Сдерживается с трудом, скрипит зубами.)* Меня, Федор Ильич, пропустили сюда точно так же, как и вас. Тем же ходом, тем же проходом. Тем же Ругон-Макаром. Через двери. Или вы, Федор Ильич, сюда на ночевку, на лежбище, на стоянку, на случку, если на сказать хуже, через окно забираетесь? Через окно, да? Через окно? Ну, я не удивлюсь ни грамма!

ФЕДОР. *(Все так же визгливо, истерично.)* Уходите, сказал! Вон! Вон! Вон! Немедленно! Вон! Вон!

Алла подошла к постели, смотрит Федору в глаза, говорит тихо и угрожающе.

АЛЛА. Не ори, старый козел... Понял?! Швондер!!! Да я таких режиссеров, как ты, видела да видела за свои пятнадцать лет работы в этой помойке, понял?! Ишь ты, реже-сёр... Часто-сёр! В норму-сёр! Я тебя спрашиваю: ты понял меня или нет?

ФЕДОР. *(Сказал испуганно.)* Понял...

АЛЛА. *(Идет по комнате.)* Итак! Значит! Ты! Женишься!! На этой! Курице! Так?

ФЕДОР. *(Робко.)* Не смейте оскорблять Нонну...

АЛЛА. *(Еще тише, еще грознее.)* Я тебя, Швондер, спрашиваю: ты на ней женишься или не женишься, ну?! Отвечай?! Женишься?! Так?!

Нонна вертит головой то на Аллу, то на Федора. Федор испуганно спрятался под одеяло, молчит.

Так... Так... Ну, слушай, слушай теперь сюда, что я тебе скажу... Слушай. Только не упади с кровати. Итак! Сегодня мне мой муж, небезызвестный вам администратор нашего театра Василий Всеволодович Костров *(Чеканит каждое слово)*, от которого у меня двое детей... Две деточки, две крошечки, две ласточки, две кровиночки мои... Так вот. Сегодня ночью мне мой муж сообщает вдруг, что не желает спать со мной, потому что собрался меня покинуть. Он заявил мне, что влюбился беспредельно. Мало того, что влюбился, Федор Ильич, мало того, мало! Он, пока я эти десять дней была в соседнем городе на гастролях, так вот он, пока я отсутствовала, он сожительствовал с небезызвестной артисткой нашего театра Нонной Дубовицкой-Дубоватой, с которой вы, Федор Ильич, имеете честь сейчас возлежать в одной постели! Вот к ней-то он, мой Вася, и собрался уходить от меня и двух крошечек, двух девочек, двух ласточек, двух кровиночек! *(Пауза.)* Ну? Понятно ли я вам все изложила? Есть ли у собравшихся вопросы?

Села в кресло, курит.

ФЕДОР. *(Приподнимается на постели.)* Что вы такое говорите? Я вас не понимаю... Не понимаю вас... Что вы такое говорите? Что?!

АЛЛА. Что, что. Уши надо мыть. Что слышишь, то и говорю. Ну так вот. Так вот. Потому-то я и пришла, заявила, так сказать, с утра пораньше в эту... в это... в эту берлогу к этой развратной курице! Чтобы разобраться с ней и, разобравшись, помочь ей оттащить ее манатки на вокзал... Вот. Но я совсем не ожидала, Федор Ильич, встретить вас здесь. Вас и - здесь! Странно. Очень странно. Потому что мне мой Вася сказал, что и он любит

Нонну страстно, и Нонна от него без ума - вот уже несколько дней. Почти десять. Завтра будет. Оба просто обезумели от любви, как он мне сказал. Готовы на стенки лезть, понимаете? Вася расписал мне такую чистую любовь промежду имя, такую чистую, такую, такую... Ну, прям Ромео и Джульетта. Помните эту пьеску, да, Федор Ильич? Вы, кажется, интерпретировали ее на нашей сцене, да? Только Джульетту играла я. Я! Ну вот. Я и пришла, стало быть, разузнать про эту любовь, посмотреть... этой сучке Джульетте в глаза! А тут - вы! Странно, не правда ли? Да вы вставайте, вставайте, одевайтесь, спать я вам все равно не дам, пока не разберусь в этой... в этом... Ну, понимаете, да? Вставайте! Или вам лежать удобнее общаться? Хорошая мизансцена, правда? Для фарса, водевиля, да? Только не для жизни! Так что вставайте и не стесняйтесь! Мы ведь все сейчас родственники стали. Спасибо Нонне. Ой, спасибо! Курица нас всех породнила.

МОЛЧАНИЕ.

Федор Ильич встает с кровати. Медленно одевается. Алла, не мигая, смотрит на него. Нонна лежит под одеялом. Федор обулся, пошел к двери. В одном ботинке пошел. Вернулся. Ищет ботинок, заглядывает под кровать. Нету ботинка. Вдруг Федор говорит Нонне страстно, с болью и гневом:

ФЕДОР. Нонна?! Это - правда?! Правда?! Как ты могла?!

Алла сидит в кресле, курит, далеко вперед выкидывая руку с сигаретой. Хохочет.

АЛЛА. Ой, не могу я. Ой, не могу. Держите меня четверо. Держите меня трое. Ой, не могу я. Не могу. Держите меня. Ну и дела.

Нонна села на кровати. Снимает с головы бигуди, кидает их на тумбочку. Федор все ходит и ходит по комнате, плачет, закрывая лицо руками.

НОННА. *(Визгливо кричит Федору.)* Это все потому, что ты не разрешаешь мне иметь ребенка!

АЛЛА. Ой, не могу я. Ой, не могу. Держите меня четверо. Ой, не могу. Куда я попала. В сумасшедшем доме манной кашей голову моют. И в валенок ходят. Ой, не могу я. Ой, не могу.

ФЕДОР. Какого ребенка, Нонна?! Какого ребенка?! О чем ты говоришь, Нонночка?! По-моему, у нас с тобой об этом даже не было речи! Мне кажется, Нонночка, что ты за эти несколько дней, что мы с тобой вместе, ты даже и не... и не... не и... *(Пауза. Горько.)* Нонна! Как ты могла! Ведь ты поклялась мне на этой самой кровати, что у тебя до меня никого не было!!!!

Алла постукивает пальцами по подлокотнику кресла, картинно хохочет.

АЛЛА. Ха-ха. Еще раз - ха-ха. Ха-ха - три раза.

НОННА. *(Испуганно смотрит на Аллу.)* Не было! Не было! Не было! Я тебе сказала, что не из театра - не было! Не было никого! Не было никого! Не было! Не было!

АЛЛА. Картина называется: "Верьте мне, люди!"

ФЕДОР. *(Поднимает руки к потолку.)* Нонна! Нонна! Нонна!

АЛЛА. Нет, не так надо говорить! Не "Нонна", а "Нана", как говорил великий Золя! Нана самая натуральная! Кто хочет - на!

ФЕДОР. Как ты могла меня так обманывать? Как ты могла так обманывать меня? Как?! *(Пауза.)* Это ужасно. Это непорядочно. *(Говорит: "Не порядочно.")* Это... это... это просто отвратительно! То, что я узнал сейчас, просто отвратительно мерзко! И если это правда, Нонна, то... Если правда, то...

АЛЛА. Правда, правда, успокойтесь. Правда. Еще какая правда! Голимая! Я своего мужика знаю! Он мне врать не станет! У него все в глазах написано. Я знаю, когда он врет,

а когда говорит правду. Понимаете? Знаю-у! И то, что он мне поведал, это, конечно, удар в лоб! Ниже пояса удар! В промежность удар! Ну, ты уби-ила бобра, подруга! Нет, посмотрите только, товарищи, на кого он польстился? Боже ж ты мой! Мрак! Ужас! Ничтожная актрисуля! Пищит, как мышь! С ее голосом в туалете кричать: “Занято!” “Кушать подано!” Подает надежды и подносы! Вы посмотрите на нее! На голове - три волосинки в шесть рядов! Простите за выражение, но ведь ни сиськи, ни письки - одна арматура! Сзади пионерка, спереди - пенсионерка! Вы посмотрите, посмотрите, товарищи, у нее ведь немывтая голова! У нее грязная футболка! Она в ней спит, вы видите, товарищи! Она же засранка, каких свет не видывал! На кого польстился мой Вася, на кого-о-о?! Чем ты могла его прельстить, че-е-ем?! Че-ем?! (*Рывкнула.*) А ну говори быстро: чем?!

В стены снова застучали: “Да дайте же спать, черт бы вас побрал! Заткнитесь, гады! Дайте спать! Провалитесь вы все! Сволочи!”

Федор, Нонна и Алла орут хором в стены, в пол, в потолок:

НОННА. Молчать, не ваше дело! Козлы!

АЛЛА. Не лезьте, куда не просят! Молчать! Молчать!!!

ФЕДОР. А ну молчать! Или мы сейчас милицию на вас вызовем, чтоб не мешали людям! Хватит, сказал!!! Ну?!

МОЛЧАНИЕ.

Стоят, смотрят друг другу в глаза.

НОННА. (*С вызовом.*) Я люблю его... Вот так! Да, так!

АЛЛА и ФЕДОР. (*Вместе, пораженно.*) Кого?!

Пауза.

НОННА. Василия Всеволодовича... Вот так! Да, так!

ФЕДОР. А я, Нонна? (*Горько.*) А как же я? Страшна эта женщина...

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

Алла скрипнула зубами, кинулась под кровать, выхватила оттуда чемодан, крикнула:

АЛЛА. Ах, ты его любишь, да? А спишь в это время с другим, да? Так, да? Позорница бессовестная! Собирайся сейчас же мне тут!!! Собирайся немедленно! К черту тебя! Чтоб через полчаса духу твоего тут за километр не было бы! Ты что же это такое - хочешь мне семью разбить, да? Да мы с ним пятнадцать лет прожили душа в душу! Двух деточек вырастили, двух крошечек, двух кровиночек, двух ласточек! Ты понимаешь это или нет? Да ты знаешь, сколько я сил в него вложила, чтобы подтянуть его к своему, то есть, своему моральному, интеллектуальному и духовному уровню? Знаешь? Да ни хрена ты не знаешь, дура! Ты что же мне предлагаешь: все пустить коту под хвост?! Так, да?! Тебе его отдать, да?! Да?! Да я как Пигмалион какой недоделанный над ним трудилась всю жизнь, а ты пришла тут на все готовенькое?! (*Пауза.*) А ну - собирайся, сказала! Быстро! Немедленно! Мухой! Сама собирайся, сама, сама, пока я и тебя не запхнула в этот долбанный чемодан и не отнесла вместе с ним на вокзал! Ну?! Ну?! Ты, курица?! Влезешь, говорю тебе, влезешь в чемодан, влезешь! Отнесу, отнесу, отнесу!!!

Алла упала в кресло, рыдает. С Аллой истерика. Нонна тоже рыдает, еще громче. За компанию, так сказать.

НОННА. (*Трагично.*) Но что, что я могу сделать, если я люблю его!? Люблю! Люблю страстно! Всеми фибрами своей души! Я только сейчас поняла это со всей полнотой, глубиной, шириной! Всеми фибрами души своей люблю его! О, как я люблю его! Люблю! Как люблю! Люблю как!...

Федор тоже плачет. Все очень, очень долго что-то нечленораздельно мычат. Вдруг Алла схватилась за сердце, побелела.

АЛЛА. *(Чуть слышно.)* Помогите... Помогите мне... Мне плохо... Умираю я... Господи... Помогите... Умираю... Умираю-у-у... Ой, мама... Ай, мама, мамочка моя... Мне плохо, ой, ой, ой...

Нонна и Федор испуганно кинулись к Алле, принялись трясти, успокаивать. Федор хлещет Аллу по щекам. Та отпихивает его, что-то мычит. Нонна капает в стакан валерьянку, дает выпить Алле, пьет сама. Схватили Аллу за руки, за ноги, потащили на кровать. Нонна бежит по комнате в футболке и трусиках.

НОННА. Алла Ивановна! Алла Ивановна! Успокойтесь, ради Бога! Ну, что тут такого произошло-то? Что такого? Чего нервничать-то? Боже, спаси королеву! Тьфу, то есть, Боже, спаси ее! Сохрани ей жизнь! Господи, сохрани!

ФЕДОР. Алла Ивановна, Алла Ивановна? Не умирайте, в одиннадцать репетиция! Алла Ивановна, Алла Ивановна! Сюда, сюда...

НОННА. Не умирайте, прошу вас! Вы еще не сыграли главную в своей роли жизнь! Тьфу, главную в своей жизни роль! Не умирайте! Не делайте этого, ради всего святого! Прошу вас!!! Заклинаю вас!!!

Положили Аллу на кровать: сумочка как была через плечо, так и осталась, в плаще, в туфлях. Долго успокаивают. Алла открыла глаза, с трудом ворочает языком, осматривается.

АЛЛА. Где... где... где я?

НОННА. Ничего, ничего, все в порядке, в порядке...

АЛЛА. *(Ворочает головой.)* Куда... куда вы меня положили? *(Пауза.)* Я не буду, не буду, не буду лежать на этой развратной постели, на этой гнусной кровати, не буду! Пустите меня немедленно! Пустите сейчас же, пустите!

НОННА. Лежите, лежите, прошу вас, вам вредно волноваться, умоляю вас! Не надо нервничать!

АЛЛА. *(Стонет.)* Курица-а-а... Курица... Это ты?! Вот до чего ты меня довела, курица... До сердечного приступа довела! Боже, Боже, как там мои дети?! Они не знают, как плохо ихней... их, то есть, матери! Не ведают! Не знают они! Они тянут ко мне ручонками и кличут: “Мама! Мама! Мама!” Какое злодеяние... Боже! Боже! *(Хрипит, как при смерти.)*

ФЕДОР. Как она бледна... Может, “скорую” вызвать?

НОННА. Не умирайте, прошу вас, Алла Ивановна!

ФЕДОР. Вы слышите, слышите? Скоро на работу! Не умирайте, пожалуйста...

АЛЛА. *(С трудом приподнялась на кровати, медленно.)* Я вам умру... я вам умру... Вот я вам умру... Не дождетесь вы этого от меня... Не надейтесь... Вы все смерти моей хотите, гляжу, да? Хотите, чтобы я вам все пути открыла, да? Не дождетесь, гнусные людишки! Вы оба не дождетесь! Я знаю, Федор Ильич, что у вас на уме! Только сейчас разрозненные куски мозаики в моей голове сложились в законченную картину! Только сейчас я все-все поняла! Вы хотите, чтобы я умерла и чтобы все мои роли достались вот этой вот развратной курице! Не дождетесь! Вы оба! И ты, курица, не дождешься моих ролей и мой муженек не дождет, чтобы гнусно развратничать с тобой, когда меня не будет на белом свете! Я еще триста лет проживу! Да! Ты хочешь играть мои роли и, мало того, еще и заниматься развратом с моим мужем! Сволочуги вы оба! Нет, все трое! Заговор! Совратительница! Он мне за пятнадцать лет ни разу не изменил! Ты слышишь, коза?! Курица! Ни разу! И вот явилась ты, красавица писаная, и все рухнуло! Все рухнуло, ты понимаешь это или нет?! Все! Все! Все!

Алла рыдает. Села на кровати. Смотрит в пол.

(Просто и горько.) Зачем мне теперь жить? Пойду вот с балкона с пятого этажа брошусь вниз головой... Вся моя жизнь теперь разбита... И так была не жизнь, а горе луковое, а еще и ты тут навязалась на мою шею, курица... Ишь, приехала! Без году неделя в театре, а уже делов натворила! А я в этом дерьме, в этом Дощатове вонючем, пятнадцать лет просидела, дура, все искусством занималась! Меня тут каждая собака в городе знает, я ведь депутат райсовета, меня на звание выдвинули! А теперь - задвинут! Что теперь обо мне скажут, ты подумала? Всем ведь все станет известно, завтра же! А тебе что - тебе плевать на все! Да ты кем была-то, ке-ем?! Ведь у тебя же образования нет, ты ведь трамвайным шофером работала, в "самodelке" играла, тебя потом по блату в один театр взяли, потом в другой! Ты за три года в пяти театрах поработала, уже, думаешь, и артистка, да? Бога за бороду схватила? Да тебя с "биржи" привезли, подобрали там, у тебя образования - ноль! А я училище театральное закончила, поняла? Да мои сокурсники в Москве вон, в Ленинграде, в кинах вон снимаются, а я тут сижу из-за него, из-за дятла своего, из-за муженька, понимаешь?! Ты! Ты! Ты! Я столько лет его в артисты тащу! Чтоб ставку ему сделать! Чтоб репертуар наработать и уехать в хороший город, ну?! И вдруг являешься ты и все в секунду разбила, всю мою жизнь, понимаешь, ты?! Подлюка! Все, все, все! Я ж тебя разделаю сейчас, как Бог черепаху, понимаешь, ты?! Тебе ведь небо с овчинку покажется, гадина!

Алла рыдает. Черные слезы от туши бегут по ее щекам.

В стены, в пол, в потолок снова стучат и кричат. Ругаются. Извините, но даже матом.

Алла, Федор и Нонна сразу же, не раздумывая, кричат им в ответ:

НОННА. Театр аренду платит! Мы тут такие же жильцы, как и вы! Заткнитесь!

ФЕДОР. У нас ненормированный рабочий день! У нас репетиция! Мы полное право имеем на своей территории! Что хотим, то и делаем! Молчать, молчать!!!

АЛЛА. Молчать, суки! Тут артисты живут! Поорите мне еще тут, я вам покажу, где раки зимуют!!!

МОЛЧАНИЕ.

Смотрят друг на друга. Очень долго молчат. Нонна вдруг зарыдала, забилась в истерику: пришла и ее очередь, слава Богу...

НОННА. *(Рыдает.)* Да, да, да! Мне не жить на этой грешной многострадальной земле! Мне бы давно уже пора вниз головой с... с обрыва! Давно пора! И чего я жду, что судьба улыбнется мне? На что надеюсь? Зачем тщу себя надеждой? Не знаю... Жизнь поворачивается ко мне задом... то есть, спиной, и потому я должна уйти из игры! Я виноватая во всем и потому я кровью должна смыть свой позор! Ах! *(Пошла к двери.)*

АЛЛА. *(Вытирает слезы.)* Ну, не трёкай ты языком своим поганым, не трёкай. Что ты играешь, что ты тут репетируешь? Курица! Катерина, Катерина прямо, вы посмотрите на нее! Не лезь на мои роли, я тебе сказала - не дожدهшься! Ты лучше отвечай мне прямо на поставленный мною перед тобою вопрос: будешь ты, курица, скажи мне честно, твердо и принципиально, будешь ты чужих мужиков отбивать или нет? Ну?!

НОННА. *(У двери, не слушая.)* Прощайте... все прощайте... Милые вы мои люди... Я не должна жить... Нет, нет, не уговаривайте меня, не надо усилий бесполезных, безнадежных... Я приношу вам всем, люди дорогие, только горечь и утрату, утрату и горечь...

АЛЛА. Господи, какую она феню лепит, послушайте только!

ФЕДОР. Куда ты, Нонночка?

НОННА. *(Кинула бигуди в угол, злобно.)* Куда, куда! В задницу, вот куда! *(Бежит к двери.)*

ФЕДОР. *(Испуганно.)* Куда?!

НОННА. *(Кричит фальцетом.)* Топиться!!!

Рванула по коридору. Только и слышно, как стучат по лестнице ее голые пятки.

ФЕДОР. *(Мечется по комнате.)* Господи! Нонночка! *(В окно.)* Оденься хотя бы, милая! Что же ты на улку-то в одной футболочке побежала, раздевши? А? Нонна? *(Алле.)* Что вы наделали, что вы наделали, что вы наделали!!!

Убегает вслед за Нонной, так и не успев как следует обуться.

АЛЛА. *(Встала с кровати, кричит в дверь.)* Иди, иди! Побегай по холодку! Поморозь сопли! Оба катитесь колбаской по Малой Спасской! Давайте, давайте, с обрыва кверху задницей! А я посмотрю, полюбуюсь на вас! Беги, беги, догоняй! Только напрасно стараешься! Никуда она не денется! Говно не тонет! Оно на поверхности плавает! Не тонет, не тонет!!!

Захлопнула дверь, ходит по комнате туда-сюда, смотрит в пол. Рыдает, хлюпает носиком. Внезапно, как гром с ясного неба, радио заиграло во всю глотку Гимн Советского Союза:

*“Союз нерушимый! Республик свободных!!!
Сплотила навеки великая-а-а-а Русь-сь-сь-сь-сь!!!!
Да здравствует созданны-ы-ы-ы-ый...”*

Шесть утра, стало быть. Алла перепугано бежит по комнате, ищет радио. Находит розетку, выдергивает штепсель.

(В тишине, зло.) Проснулись, суки, проснулись...

Долго успокаивается, ходит по комнате, машет себе на лицо руками. Оглядывает стены, потолок. На потолке в углу вбит старый ржавый крюк. Алла села на табурет, горько плачет. По правде плачет, не играя.

(Тихо.) Не могли ей, сучке, другого места найти... Обязательно сюда надо было поселить... Курица! Обязательно сюда надо было! Бессовестные... *(Молчит.)* Хотя бы что-нибудь изменилось... Все то же, то же... Пол с тех пор не красили... Курица! Курица! Курица!...

Играет “Вишневый сад.”

О, моя юность, чистота моя! В этой комнате я спала. Глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мной каждое утро и тогда он был точно таким, ничего не изменилось! Весь, весь белый! О, сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя! Если бы снять с груди и плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое! Как мы были счастливы! Бедная я, бедная. Неудачница разнесчастная... Посмотрите! Покойная мама идет по саду в белом платье! Это - она!

В комнату врывается ДИАНА РАСКОЛЬНИКОВА, актриса Доцатовского драматического театра. Ей около сорока или, может быть, сорок с хвостиком. Весьма и весьма полная, импозантная дама. Но выглядит, как ни странно прекрасно.

ДИАНА. *(С порога.)* С кем ты тут?

Алла визжит.

Где она? Аллочка? Алла? Аллюсенька? Ты здесь? Я пришла! Я рядом! Успокойся, дитятко! Ну, что? Как ты? Где она? *(Роется в сумке.)* Слушай, Алла, ты мне звонишь, а мне как раз сон снится - нет, ты только подумай, какой бред! - снится, что у тебя родился ребенок с волчьей губой! Вот с такой, до пола до самого, а? И вот - пожалуйста! - сбылось! Алла, где она?

АЛЛА. Ушла.

ДИАНА. *(Подбоченилась.)* Куда это она ушла?

АЛЛА. Топиться ушла. Скоро придет.

ДИАНА. В Волгу?

АЛЛА. В Волгу.

Пауза. Диана помолчала, достала из сумки трехлитровую банку. Протянула Алле.

ДИАНА. Ну и очень хорошо. На. Держи. Это - тебе.

АЛЛА. Зачем? Что это?

ДИАНА. Это? Зеленка. Обыкновенная зеленка. В аптеках продают, для детишек. Ни-ни! Не смей отказываться! Держи, сказала! Проверенное народное средство! Точно тебе говорю! Руку себе на отсечение даю, что помогает!

АЛЛА. *(Ехидно.)* А куда мне это, Дианочка? Внутрь прикажешь?

ДИАНА. Опомнись, я не пьяная. Это - не внутрь. Спокуха, сказала. Это выливается на головку. Ей возьмешь и на головку выльешь. Поняла? Берешь вот так вот баночку, выливаешь ей на головку. Главное, без эмоций выливай. Это дело не подсудное. Держи хвост пистолетом. Понимаешь? Она потом месяц на люди не появится, будет дома как миленькая сидеть. Понимаешь? Ну, положишься на меня, я человек знающий. У меня все не раз проверено. Вот еще держи: это соль и сахар в коробочках. *(Сует Алла в руки спичечные коробки.)* Это у меня от прошлого раза осталось, когда от меня второй, что ли, муж уходил. Аналогичный был случай, Алла. Тютелька в тютельку. То же самое, что и у тебя. Держи - это соль, это - сахар. Не перепутай. Да не бойся, не бойся, оно без срока действия, можно спокойно подсыпать...

АЛЛА. Зачем?! Куда?! Кому!?

ДИАНА. Куда, куда. Ему подсыпать. В еду подсыпать! Оно заговоренное, понимаешь? Бабка одна заговаривала. Хор-р-рошая была бабка, царствие ей небесное... Нда-а. Слушай. Вот что мне еще она говорила, эта самая бабка-покойница. Значит, надо улучшить момент, когда твой мужик это... ну это... *(Шепотом)* писает. Понимаешь? И вот из-за его спины, значит, кинуть в то самое место, куда он, паразит, гадит, кинуть туда горсть иголок, понимаешь? И тогда, говорят, он от тебя - ни на шаг! Шаг в сторону - расстрел! Я, правда, сама не пробовала, но так говорят... Понимаешь? Вот, держи, в этой коробочке - соль, тут - сахар. А тут - иголки. Смотри, не перепутай!

Алла молчит. Смотрит на Диану, скрипит зубами. Диана вздохнула, села, осматривает комнату. Трет виски руками.

Ой, не могу, не могу, не могу я... Господи, какой кошмар! Вот как ты позвонила мне, как сказала, что ты сюда пошла, как сказала ты, что у вас там с Васей такой разговор произошел и прочее - так я прям места себе не нахожу! Такая пара была, такая пара, такая пара, а? Господи... Это вас, Алла, сглазили! Сглазили, сглазили! И даже ты мне не спорь и даже ты мне ничего не говори! Я знаю - сглазили! А от сглазу, Алла, вот что нужно сделать: надо взять сухую жабью ногу и куриный помет, перемешать это в стакане с водой...

АЛЛА. *(Зло.)* И выпить? Да? Или только рот пополоскать? А? Ну, что ты мелешь, что ты буровишь, что ты собираешь? А?!

ДИАНА. *(Робко.)* А что тут такого? А вдруг да поможет? Откуда ты знаешь? Машу каслом не испортишь, то есть, тьфу, наоборот... Это ведь народное средство. Проверенное сто раз. Вот, я помню, от Тамарки когда муж уходил, так я, помню...

АЛЛА. *(Плачет.)* Да замолчи ты, глупая, замолчи! Тебе все хиханьки да хаханьки, да? Что ты буровишь, а? Ты башкой своей сообрази, как он мог с ней, как он мог, а?! Я ведь

ему всегда верила, верила и что теперь? Как я с ним буду жить? И если развод - то как я без него? Господи, Господи-и-и... И ты тоже, подруга называется! Да ты змея подколотная! Ведь ты же тут, тут оставалась, в городе была, пока я уезжала, ну?! И что же ты, ничего не видела, скажешь, да? Скажешь, ты не замечала, что у него с ней роман? Нет? Все ведь знала, все! Могла бы отбить мне телеграмму, я бы мухой прилетела, навела бы порядок, пока дело на зашло так далеко! Скажешь, ты не знала, что он шастает к ней сюда, в эту гнусную постель, нет, не знала? Да весь театр знал, мерзавцы, все до одного знали, кроме меня! А я-то, дура, вернулась с гастролей, думаю: что это они все такие учтивые стали со мной, такие все ласковые, обходительные? Думаю, чего это они мне все улыбаются: вахтеры, костюмеры, гардеробщицы? И вот, только сегодня ночью узнаю причину! Ложимся спать и мне мой добрый, мой чистый, мой ласковый, мой открытый муж признается, в какой он грязи! Говорит: "Я изменил тебе, Алла!" Я сначала подумала: он с тобой...

ДИАНА. Опомнись, я не пьяная! Что за заморочки такие, Алла? Что ты болтаешь? Только этого мне еще не хватало! С тюфяком с твоим только мне поспать не хватает! Стыдно! Я ведь твоя лучшая подруга, Алла!

АЛЛА. Ай, не крутите мне динамо, мадам! Лучшая подруга! Помолчи! Отвечай мне немедленно: почему ты мне не сказала сразу обо всем, ну?! Хотела увидеть, как разрушится наша семья? Да? О, люди! Вам имя - вероломство! О, люди! Порожденья крокодилов! Отвечай немедленно: почему, ну?!

ДИАНА. *(Тихо, проникновенно, осеняя себя крестным знамением.)* Алла! Клянусь тебе всем святым на свете, самым святым, что есть у меня на этом свете. Клянусь сценой, театром, подмостками, прожекторами, занавесом... Клянусь!!! Я сном-духом ничего не знала, ничегошеньки!!!

АЛЛА. Ай, идешь ты пляшешь со своими клятвами! Мимо окон с песнями, поняла? Все в кучу собрала. Занавесом, прожекторами, сценой, шваброй. Не играй! Противно слушать! Нашлась мне тут еще одна артистка!

Пауза. Диана хлопает носиком, мнет в руках платочек.

ДИАНА. *(Горько.)* Да, да, да. Ты права. Я виновата. Я одна. Я не доглядела. Мой позор. Я должна была. Я, я, я. Ты не плачь. Не надо. Все образумится, я думаю. Перестань, сказала, а то я тоже зареву. Перестань! Надо подходить ко всему с философской точки зрения. Понимаешь?

АЛЛА. Заткнись, философ!

ДИАНА. Ты не права, Алла! Ко всему надо подходить с философской точки зрения. Сама подумай: что это по сравнению с мировой революцией. Первое, так?

АЛЛА. Заткнись, прошу тебя, заткнись!

ДИАНА. *(Не слушая.)* Это раз. Во-вторых, ты должна его понять, дорогая моя. Ему тоже опротивело в этом вонючем городишке. Ходить каждый день по одним и тем же улицам, видеть одни и те же рыла наших артистов, чтоб они провалились. Понимаешь? Ему хочется развлечений, радостей, счастья! Бог его знает, чего ему хочется! Он ведь у тебя не старик еще, так? Ну, что же ему, целыми днями и вечерами лежать на диване и читать газеты? Нет, он не хочет, конечно же! Ему потрясений хочется, дыхания жизни, удовольствия, игры! Ты должна это понять! Ну, поешь-ка каждый день одну и ту же жареную картошку, ну? Придается, понимаешь? При-еда-ет-ся! Это два. И в-третьих... Алла! Ну, случилось раз уж такое, случилось... Так что же теперь? В петлю из-за этого? *(Алле тихо на ухо.)* Ну, что тебе, Алла, ссяного места жалко?

АЛЛА. *(Рыдает.)* Жалко!!!!

МОЛЧАНИЕ.

(Ходит по комнате, раскидывает вещи, говорит свирепо.) Я ее разделаю... Разделаю, разделаю, разделаю!!!! Я ее так разделаю, как Бог черепаху!!! Я ее разделаю, разделаю, разделаю!!!

ДИАНА. *(Помолчала, удивленно.)* Это как ты ее разделаешь?

АЛЛА. Я ее так разделаю, так разделаю, что она у меня вот так, вот так, вот так, вот так, так, так, так, так будет ползать! Так, так! Так, так, так, так!!!!

Алла показала, как будет ползать Нонна, когда она ее разделает.

Пауза.

Алла смотрит на Диану. Обе вдруг принимаются хохотать. Умирают со смеху.

(Сквозь смех и слезы.) Ну, что ты ржешь, скажи мне ради Бога? Что, что? Дура ты, Дианка, дура, дура!

ДИАНА. *(Хохочет.)* Да нет, нет, нет! Я представила себе, как ты ее разделаешь! Представила себе, как она будет ползать!!! Как черепаху!!!

Хохочут обе до упаду.

В стены снова кричат и стучат: "Тихо! Тихо! Дайте спать! Хоть немного дайте поспать! Да что такое! Заткнитесь!"...

ДИАНА. *(В одну стену.)* Не ваше дело! Молчать! Разорались тут! Я вас всех сейчас подыму! Добрые люди давно уже на работе! Поорите мне еще тут!

АЛЛА. *(В другую стену.)* Вы все тут алкаши, с похмельюги маетесь! Не проснетесь никак! Молчать, алканавты!

Алла села на кровать, вытерла слезы.

(Быстро, тихо, радостно.) Я тебе совсем забыла сказать самое главное! Слушай! Прихожу это я сюда! Вхожу, понимаешь! Собираюсь эту курицу разделать, как Бог черепаху...

Обе хохочут.

Тихо ты, слушай! Собираюсь ее разделать, задушить, заметелить, так, да? Сдергиваю с нее одеяло, а там у нее под одеялом... Ну? Догадайся, что, ну?

ДИАНА. *(Испуганно.)* Что у нее под одеялом?

АЛЛА. *(Подсказывает.)* У нее под одеялом спит...

ДИАНА. *(Пораженно.)* СПИД?!

АЛЛА. Да не СПИД, а спит! С-п-и-т! Спит небезызвестный тебе и мне и всем нам главный режиссер нашего театра Федор Ильич Галактионов!

ДИАНА. Опомнись, я не пьяная!

АЛЛА. Да что я тебе, врать стану, что ли?

ДИАНА. Швондер?! Здесь? С ней? Врешь!

АЛЛА. Ага. Вру. Вру, как же. Вру. Лежат себе они тут, на одной кровати. В позе "Асуанская плотина" Поняла?

ДИАНА. *(Брезгливо.)* Какое извращение...

АЛЛА. Вот так, Диана. Вот она сейчас топиться побежала, а он - следом за ней. Спасать кинулся.

ДИАНА. Я тебя умоляю! Какой кошмар, какой ужас, какой мрак! Чудовищно!

АЛЛА. *(Помолчала, усмехнулась.)* Ты что же это, ревнуешь? Оля-ля! Ведь у вас с ним давно все кончено? Или я ошибалась?

ДИАНА. *(Гневно.)* Опомнись, я не пьяная! *(Помолчала, твердо.)* Пусть спит с кем хочет. Хоть с пьяным ежиком. Мне все равно. Я его вырвала из своего сердца. Выжгла каленым железом!!!

АЛЛА. Вот так вот, Дианочка. *(Помолчала.)* Так-то вот. Видишь, какая пошла крутая молодежь теперича? О, палец в рот не клади! Одному мозги крутит, другому мозги крутит. “У меня миленька два, два да оба хороши, одного заели гниды, а другого вши!” Тварь! Представляешь? Я заявляюсь, а они спят! Швондер со Швондерихой! Нет, а он-то, он-то, старбень, старая перхоть, старпер, он-то, а?!

ДИАНА. То-то я прихожу к нему домой позавчера вечером, а его нету. То-то его не было в одиннадцать вечера! То-то... Ага! Ну, я подумала, что он не ночевал дома вовсе не из-за основного мужского занятия...

АЛЛА. Ага. А из-за параллельного, так, да? Ясно. Значит, ты к нему еще и захаживаешь? Ясно, ясно...

ДИАНА. Опомнись, я не пьяная! Я за ложками заходила! Он ведь меня обобрал, как липку! Я ведь - раздай-беда. Сказала ему: “Бери все, все, что хочешь!” Он и забрал. Все забрал. Даже кастрюльки, ножи, вилки! У меня дома хоть шаром покати! Ничегошеньки! Приходится потому ходить и кланяться у него: дай это, дай это, отдай то, отдай то!

АЛЛА. Ай, позвольте вам, мадам, не поверить! По-моему, он от тебя дал драла так скоро, что трусы забыл натянуть...

ДИАНА. Что ты болтаешь? Я ему все отдала! Я, я, я! Ну, Швондер, ну, Швондер подлючий...

АЛЛА. *(Ходит по комнате.)* Господи, Господи... Какая это гнусь, какая гнусь! И мой Вася, мой Вася здесь, в этой грязи, в этой истории замешан тоже! С этой развратной девкой! Господи, с кем он, с кем?! Подумать только, с кем вы, мастера культуры! С кем?! У нее ведь вид: на море и обратно, сестра Крупской! Старбень! Да если бы мне сказали такое десять лет назад, я бы тому в глаза плюнула! Как он мог, как, как?! *(Заплакала.)*

ДИАНА. *(Негромко.)* Ну, Швондер, не ожидала... Нет, не ожидала! Нет, ну эта курица тоже, а? Как я все это пропустила? Ну, не ожидала, ну, не ожида-ала! Ну, дает жару, ну дает!

АЛЛА. Слушай, Диана! Мало того, что они тут спят, развратничают, мало того! Он ей еще и предложение сделал!

ДИАНА. Опомнись, я не пьяная!

АЛЛА. Да, да, предложение! При мне об этом говорили! Свадьба комсомольская скоро грядет в театре! Нет, ты представляешь?

ДИАНА. *(Шепотом.)* Ой, как далеко у них дело зашло, ой, как далеко... А я ни сном, ни духом, а? Ой, как далеко... Ну, конспираторша... И с тем, стало быть, и с этим, стало быть! Ну, многостаночница, ну, стахановка! Ну, не ожидала, ну, никак не ожидала!

АЛЛА. И, главное, кричит ему, Швондеру-то твоему: “Я тебе изменяю потому, что ты не разрешаешь мне иметь ребенка, беременеть мне не разрешаешь!” Представляешь?

ДИАНА. Беременеть?!

АЛЛА. Беременеть!

ДИАНА. Ой, как далеко дело зашло... Ой, как далеко...

Диана ходит по комнате, заложив руки за спину, смотрит в пол. Алла подкрашивает глаза, смачно плюет в тушь.

(Усмехнулась.) Ишь, девочек будет играть, а? Беременная девочка! Ишь, а? *(Пауза.)* Помнишь, какую-то пионерскую пьесу играли. Ну? Да ты тогда еще молодая была, зеленая, все мальчиков-ебунчиков играла, ну?

АЛЛА. *(Горделиво.)* Да. Я была худенькой в молодости.

ДИАНА. Да ты беременной была тогда, помнишь? У тебя четыре месяца беременности, а мальчика Сережу играть некому. Затянули тебя потуже и вперед, на сцену, “Сережу” наяривать!

АЛЛА. *(Смеется, вытирает слезы.)* Не смеши, опять тушь побежала!

ДИАНА. А этот, Романов, кажется - он сейчас в Вологде - папу твоего играл. А Самойлова, которая повесилась - помнишь? - она директора школы играла. Самойлова говорит Романову - “папе” по пьесе-то: “Ваш Сережа курит!” А тот вдруг ни с того, ни с сего - ну, хохмач был! - на весь зал ка-ак брякнет: “Мало того, что курит, он еще и беременный!!!” *(Обе хохочут.)* И ведь на весь зал, все слышали! Мы за кулисами попадали, все раскололись!

АЛЛА. *(Держит глаза, чтобы не побежала тушь, хохочет.)* Ну, что ты всякую ерунду вспоминаешь? Нашла время! Все, все, все, стоп! Давай лучше, помогай мне ее манатки уложить. Она придет, мы ей чемодан в зубы и пусть шурует на вокзал, на шайтан-арбу!

ДИАНА. Слушай, Алла, а она на самом деле не утопится? У нее ума хватит. Может, уже нужно артель нанять, чтоб ее баграми искать? *(Испуганно перекрестилась.)* О, Господи! Да где они там?

АЛЛА. *(Залезла под кровать, достала чемодан.)* Ай, да ехали б они болели! Мимо окон с песнями! Не мели, не заправляй арапа! Утопится, как же! Держи карман шире! Она ведь артистка! Еще почище некоторых артистка! Разыгрывает все, играет, дурища! Или - ты что предлагаешь? Чтобы мы с тобой, как две дуры, кинулись бы на берег Волги, за ней, да? “Ай, Нонночка, где ты? Ау! Вернись, курица, забирай наших мужиков!” Так, что ли? Явится скоро, никуда не денется! Ну, давай, помогай ее тряпье складывать, ну?

ДИАНА. Что это у нее такое под кроватью стоит?

АЛЛА. Как - что? Не поняла? Ночная ваза!

ДИАНА. Я тебя умоляю! Какой ужас! Ужас!

Обе хохочут, зажимают носы.

АЛЛА. Вот тебе и ужас! Госпожа То-Си-Ка, То-Ка-Ка! Поняла?

ДИАНА. *(Хохочет.)* Ужас! Кошмар! Я тебя умоляю! Ужас! *(Быстро.)* Влезет ее тряпье в один чемодан?

АЛЛА. Ничего, втолкнем! Засунем! Вот и веревочка есть. Замотаем, как следует, и пусть валит!

Диана и Алла открыли шифоньер, вывалили кучу тряпья на пол, принялись складывать его кое-как, совать в чемодан.

ДИАНА. *(Прикинула на себя какую-то тряпку.)* Это что такое? Это платье, что ли? Ужас! Неужели такое носят? *(Вертится перед зеркалом.)*

АЛЛА. Ты что! Носят! Курицы яйценоские! Это самый писк называется! Мода такая!

ДИАНА. Как она в этом ходит? Городская сумасшедшая!

Быстро складывают тряпки в чемодан, успевая, правда, их внимательно рассматривать.

АЛЛА. Вот так, вот так! Посажу ее на паровоз и пусть отчаливает! У меня двое детей, две крошечки, две кровиночки от этого мандалая! У меня квартира трехкомнатная, у меня мебель, вся обстановка! Я что же ее, делить с ним должна? Ей отдать? Болгарскую стенку пилить, да? Дождутся они у меня, как же! И ведь именно в такой момент! Ведь мне же в управлении культуры пообещали, что с нового сезона возьмут его артистом, сразу в штат, ну? А он? Теперь ведь вся шарашкина контора, весь этот театр грёбаный на уши встанет

от радости! Как можно себе так портить карьеру? Как?! Нет, ты посмотри, посмотри, какой у нее лифчик?

ДИАНА. Я тебя умоляю! Ужас! Ужас! Какая засранка!

АЛЛА. *(Складывает вещи.)* Как можно меня кукушку на ястреба? Как он мог с ней, такой заелдыканной спать? Как?!

ДИАНА. *(Складывает вещи.)* Как она может ходить в этом? Это что - босоножки, по-твоему? Какая-то ортопедическая обувь! Как?! Ну, мужики, ну, мужики пошли! У них это дело, видно, на помойке валяется...

АЛЛА. А я тебе что говорю? Е-ба-нь-ко!

ДИАНА. *(Рассматривает вещи.)* А это что?

АЛЛА. Трусы. Писькин домик! Мода такая!

ДИАНА. Я тебя умоляю! Ужас! Ужас!

АЛЛА. Бросай все в кучу! Вали все сюда! Гадина, гадина такая!

ДИАНА. Алла, скажу тебе честно: я тебе завидую. Силе твоей завидую. Рука у тебя твердая. Вот как ты борешься за свою любовь, за свое счастье. Весь город подняла на уши, примчалась сюда, чтобы сразу, мгновенно все узлы разрубить! Молодец, Алла. Я бы так не смогла. Я бы ревела сейчас, умирала бы, но и пальцем бы не пошевелила. Нет, я не такая, как ты. Я размазня. Три раза замужем и все напрасно. Ну, уж когда со Швондером этим поженились, думала: все, последний раз. И что же ты думаешь? Он стал меня тиранить! Постель собирать?

АЛЛА. Не трогай, она общежитская! *(Пихает тряпки в чемодан.)*

ДИАНА. *(Складывает вещи.)* Да, стал тиранить! Свари ему обед, вари ему ужин, вари ему этот... завтрак! Он, видите ли, устал на репетиции! Проглотина какая! Жрёт и жрёт! Я ему говорю: "Я тебе не домработница! Я тебе не нанималась! Я тоже устаю на репетициях! Я не могу всю жизнь положить у плиты! Я, говорю ему, актриса, актриса!.."

АЛЛА. Ай, прекрати! Тоже мне... Знаешь, анекдот есть такой: две подружки-артистки встречаются на репетиции. *(Складывает вещи.)* Первая говорит: "Милая Маша, я сегодня видела тебя во сне. Будто бы я умерла и иду к Богу, в рай. Подхожу к воротам, а меня апостол Пётр не пускает. Говорит мне: "Уйди прочь! Ты актриса, ты блудница, тебе не место в раю!" А я вижу, Маша, что твоя голова из-за райского забора выглядывает. Я ему и говорю: "Да вот же, моя лучшая подруга, Маша, она ведь в раю, а ведь она же тоже актриса!" А апостол посмотрел, Маша, на тебя и говорит: "Ай, да какая она на хер актриса!" Так вот, Дианочка. Это про тебя анекдот. *(Просто.)* Ну, какая ты к черту актриса? Брось. Никакая.

ДИАНА. *(Поджала губы.)* Спасибо, подружка. Вот уж спасибо.

АЛЛА. Да ладно, ладно, не дуйся. Не надо мне тут обиды устраивать, не надо! Ты все о себе сама прекрасно знаешь. Можно подумать, что я тебе Америку открыла. Готовила бы ему, нянчила бы его, носила бы его на руках - никуда бы он от тебя не делся бы! Это - тоже засовывай туда!

Складывают вещи.

ДИАНА. *(Вздыхнула.)* Ты права. Конечно, как всегда - права. Какая я актриса? Никакая. Надо было мне работать в швейном ателье. Или директором гастронома... Вот это - самая что ни на есть моя работа...

АЛЛА. Ладно, не ной. Без тебя тошно.

Села на кровать, осматривает комнату.

Боже, Боже, Боже... И эта комната на меня давит, давит, давит... Видишь, в углу крюк вбит?

ДИАНА. Повеситься хочешь? Не советую. У тебя, подруга, все будет хорошо. Ой, смотрю я - у тебя и хватка! Мертвая!

АЛЛА. Осталось мне только вешаться! Как же! Больше мне делать нечего! Про другое сказать хотела... Ведь мы с Васей жили тут, в этой комнате. Целых пять лет жили тут, пока квартиру не получили... Как пришли в театр, нас сразу сюда поселили... Да ты забыла, что ли? Ты ведь у нас тут сколько раз была, помнишь?

ДИАНА. *(Осматривает комнату.)* Точно... Та самая...

АЛЛА. *(Плачет.)* Какое время было, какое время было... Я - сопливая, он - тоже. Денег ни копейки, а счастья, сколько было счастья! Театр эту комнату у "строителей" для нас выпросил. Потом два года им бесплатно концерты по праздникам играли... Носить было нечего, режиссеры, как перчатки менялись, гнусь в театре была несусветная, а вот вспоминаю сейчас - плачу. Плачу, не могу остановиться... Как время бежит, как бежит... Тут - коляска стояла, там - пеленки сушились... А по стенам он сделал фонарики, так красиво было! Гирлянда была такая по всей комнате, как на елке. Как в детстве или за границей будто... Вася в каком-то журнале увидел такую картинку и сделал в комнате тоже самое. Из деревни от его матери привезли люльку старинную такую, чтоб под потолком подвешивать... На коляску денег не было. Люльку туда подвесили за крюк, в нее - Наденьку. А Верочка с нами, на кровати. Она вот тут стояла, кровать наша. В три раза меньше была. Ничего, умещались. Смотри, там в углу паучок свил гнездышко. Он мизгирь называется... Мизгирек...

Стоит, смотрит на крюк в потолке, вытирает слезы.

ДИАНА. *(Громко.)* Да как тут блохи от грязи не заведутся! Ну и грязнуля, ну и грязнуля! Хватит страдать, помогай собирать ее шмотки!

Снова собирают вещи.

АЛЛА. *(Грустно.)* Так и осталась комната за театром... Ну, теперь-то они сюда всякую шушеру селят. Скоты! Курицу селят! Одну! Чтоб ей свободно было тут! Мы вчетвером были! А она - одна! Все ею загажено, все ею пахнет, во всем она! Ненавижу! Она все убила, она!

Диана вдруг принялась раздеваться, осталась в одной комбинации.

(Удивленно.) Ты чего это?

ДИАНА. А я вот кофточку эту померяю. А ты скажешь - идет мне или не идет.

АЛЛА. Она тебе не налезет!

ДИАНА. Спокуха. Налезет. Она широкая.

АЛЛА. Тебе нравится? Фу! Это как из гардероба мексиканской проститутки!

ДИАНА. *(Переоделась, покрутилась перед Аллой.)* Ну, как?

АЛЛА. Тебе идет. Хорошо. Повернись. Классно. А ей - ей не идет совершенно. Она в этом, как городская сумасшедшая. Из дурдома будто только-только сбежала. *(Пауза.)* Это чья кофта, советская?

ДИАНА. *(Вертится перед зеркалом.)* Ну да, советская! Сирийская! Вот, тут лейбл есть. "Мадэ ин не наше." Видишь?

АЛЛА. *(Решилась.)* Ну-ка, дай, я тоже померяю.

Диана сняла кофту, Алла разделась, собралась мерять. Стоят обе в исподнем.

В комнату влетает ВАСИЛИЙ КОСТРОВ, муж Аллы.

ВАСЯ. *(Остановился на пороге.)* Алла! Алла?! Что ты тут делаешь?

АЛЛА. *(быстро села на кровать, прикрылась чем-то.)* Сижу вот. Отдыхаю. Молодость вспоминаю. Тебе-то чего? Чего приперся?

ВАСЯ. *(Оглядывает комнату.)* Почему тут такой бардак, словно Мамай прошел? А?! Вы что тут такое творите? Где моя Нонна, ну?!

ДИАНА. *(Решительно.)* Не ори, жопа с ушами! Иди у нее спроси, у своей подружки иди спроси, почему у нее бардак такой в комнате, понял? У нее спрашивай, а не у нас, понял?

ВАСЯ. Вы что это... вы что это тут обе делаете? А?! Вы что это...

ДИАНА. Тебя не спросили! Жук!!! Ишь ты какой! Явился, понимаешь, штопанный колючей проволокой! Чего тебе надо тут? Давно не виделись, ага? Изменщик коварный! Подлый человек! Бессовестный ты!

ВАСЯ. *(Не слушая.)* Это что такое... Это что такое, я вас обеих спрашиваю?! Почему вы... почему вы нарушаете Конституцию?! Почему врываетесь в чужое жилье без спросу?! Вы что тут такое учинили, а?! Я вас спрашиваю: где моя Нонна?!

АЛЛА. *(Встала с кровати.)* Ах, где твоя Нонна? Да?! Ах, где же она, твоя Нонна? Ах, обыскался он ее! Обыскался! Обыскался!

ВАСЯ. *(Тихо, Алле.)* Я вот как звизну тебя по организму...

АЛЛА. *(Визжит.)* Что-о-о?! Бить?! Меня - бить?! Мать твоих детей?! Твоих детей мать?! Подонки! Мерзавцы! Негодяи! Скотина!

ВАСЯ. Я вас спрашиваю, где моя Нонна?! Я люблю ее! Ясно?! Где она?!

ДИАНА. *(Кричит.)* Не твоя, а общая! Всенародная, вседоступная! Понял?!

ВАСЯ. Заткнись! Тебя тут, мухи навозной, еще только и не хватало!

ДИАНА. *(Пораженно.)* Ах ты, негодяй! Меня - такими словами? Ты вон на жену на свою так говори, а не на меня, понял?!

ВАСЯ. Где моя Нонна?!

АЛЛА и ДИАНА. *(Вместе.)* Ушла топиться твоя Нонна!

ВАСЯ. *(В ужасе.)* Куда?!!

АЛЛА и ДИАНА. *(Вместе.)* В Волгу, вот куда!

ВАСЯ. Нонна... Нонна... Нонна...

АЛЛА. Беги, беги давай! Спасай ее! Спасай, беги!

ДИАНА. Торопись, а то опоздаешь! Беги, беги! Посмотри иди, с кем она там топиться, посмотри! Я все про тебя сегодня поняла! Все твое нутро гнилое увидела! Рожденный ерзать - лежать не может! Вот в чем твое нутро, понял?!

ВАСЯ. Как ты могла, Алла... Как вы обе могли... Кто вам дал право лезть в мою частную, в мою личную жизнь...

АЛЛА. Напрасно я тебя в артисты тащу! Хреновый из тебя артист! Травести-садист - вот твое амплуа! Понял? Администратор - еще куда ни шло! А артист из тебя - нуль! Тьфу!

ВАСЯ. *(У двери, скрипит зубами.)* Как ты могла... Как ты могла... *(Кусает кулаки, рвет волосы на голове.)* Я вас поубиваю!!!! Обоих!!! Обоих!!!!

ДИАНА. Вася, это подло, подло, подло!!!

Вася рванул к двери.

Но поздно уже бежать к Волге-матушке широкой...

Вася отступает в комнату, потому что на пороге появляется Федор Ильич. Совершенно мокрый. Вода бежит с него на пол.

АЛЛА. *(Злорадно.)* Вот! Вот! Ну, что, как? Утопилась ваша лучшая артистка, наша курица?! Утопилась, да? *(Хохочет.)*

ФЕДОР. Утопилась...

МЕРТВАЯ ПАУЗА.

Все в ужасе.

АЛЛА. Неправда... Неправда...

ДИАНА. *(Шепотом.)* Неправда... Этого не может быть... Она не могла...

ВАСЯ. Нонна... Нонна... Моя Нонна...

АЛЛА. Неправда...

ВАСЯ. *(Алле.)* Убийца... Ненавижу тебя... Ты - убийца!!!

ФЕДОР. *(Опустошенно.)* Утопилась... Утопилась... Утопилась...

Женщины завизжали, кинулись в коридор, побежали направо, к лестнице.

Темнота.

Занавес.

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

На пороге комнаты появляется Федор Ильич. Совершенно мокрый. На пол с него бежит вода.

АЛЛА. Ну, что, как? Утопилась?

ФЕДОР. Утопилась...

ОПЯТЬ МЕРТВАЯ ПАУЗА.

Все опять в ужасе.

Капает из крана вода.

АЛЛА. Неправда...

ДИАНА. Неправда... Этого не может быть... Она не могла...

ВАСЯ. Нонна... Моя Нонна...

АЛЛА. Неправда...

ВАСЯ. Ненавижу тебя... Убийца! Ты - убийца!

Женщины завизжали, кинулись из дверей в коридор, побежали направо, к лестнице. Вася - следом.

ФЕДОР. *(Опустошенно.)* Утопилась... Утопилась... Утопилась... *(Опомнися, испуганно кричит им вслед.)* Нет, нет! Вы не поняли меня, товарищи! Не насмерть, товарищи! Утопилась, но не насмерть товарищи! Не на смерть!

С левой стороны коридора выходит Нонна. Ее бьет мелкая дрожь. Вода бежит с Нонны. Мокрехонька наша курица. Нонна забирается под одеяло, тихо плачет. Плечи Нонны вздрагивают. Федор ходит по комнате, ерошит волосы, ломает руки, выжимает рубаху. Долго что-то бессвязно бормочет.

ФЕДОР. На улице - лето вон... Птички щебечут, цветы растут, солнце выглянуло... Все свежее, все красивое, все зеленое... А мы этот фарс гнусный играем, Нонна. Как мне стыдно, Нонна. Если бы ты знала, как мне стыдно! Жизнь моя глупа, бессмысленна, ничтожна... Чем я занимаюсь на свете, в своей жизни, отпущенной мне Богом, чем?! Я безнравственный человек! Я подглядываю за людьми в замочную скважину и потом показываю это всему миру! Как стыдно! Моя профессия безнравственна! Слышишь, Нонна? Если бы когда-нибудь я вдруг увидел бы то, что сегодня произошло с нами, на сцене, я бы провалился сквозь землю от стыда, плевал бы в сторону артистов, рвал бы в клочья занавес... Стыдно мне, как стыдно... Я ведь знал, что ты топитья не будешь, так просто, поплаваешь немножко... Я знал, что ты просто играешь в этой пьесе. А я тебе - подыгрывал... Как стыдно! Как стыдно! Послушай, Нонна, дорогая моя Нонна... Мне

казалось, что я по-настоящему полюбил, я ведь никого никогда не любил... Я был счастлив с тобой! Мне хотелось для тебя сделать что-то невероятное, огромное! Все-все-все! Быть рядом с тобой, быть рядом, Нонна... Боже! Мне сорок лет, я ничтожнейший режиссеришка, ничего в жизни не сумевший сделать... В одной единственной жизни, отведенной мне Богом, единственной и неповторимой! Ничего! Я думал: вот, наконец, я полюбил и жизнь моя приобрела смысл, но - нет, нет... Оказалось, что это просто пошлость приделалась в красивые тряпки... И все! Зачем ты сделала это, Нонна? За что ты так поступила со мной? Зачем мне жить? Чему теперь верить? Что делать? Жить невозможно... Нужно в петлю... И все. И видеть сны. Боже мой, Боже мой, Боже мой...

МОЛЧАНИЕ.

Федор плачет, сидя на кровати. Нонна тоже рыдает, не отвечая Федору.

Как вихрь влетела Алла.

АЛЛА. (Свирепо.) А-а-а?! Навра-ал?! Как тебе не стыдно... Как... вам не стыдно?! Господи! Я думала, у меня сердце лопнет, разорвется на куски! Нет, это же надо такое придумать: утопилась, говорит! Кретин! Вы кретин, простите, но это так! Да, да! (Кричит в коридор.) Сюда! Сюда! Быстрее! Они здесь! Федор Ильич так пошутили! Сюда! Быстрее!

Вбегает Василий, кидается к кровати Нонны. Встает на колени. Прибежала Диана, запыхалась, встала у порога.

ВАСЯ. Нонна! Нонна! Милая моя! Я здесь! Я тут! Успокойся! Как ты меня перепугала! Нонна?! Ну, Федор Ильич, и шутки у вас! Нонна, все в порядке? Как ты себя чувствуешь, Нонна?!

ДИАНА. Опомнитесь, Федор Ильич, мы тут не пьяные! Как вы могли такое придумать! Разве так шутят? Мы уже по берегу бегаем, кричим, как ненормальные, зовем, баграми собрались ее искать, а вы?! Как не стыдно?!

ФЕДОР. (Тихо.) Стыдно... Очень стыдно... Мне - стыдно... А вам, гляжу - нет...

АЛЛА. Хватит болтать! Устроили цирк! Дурдом! Гонки с препятствиями! Идиотизм какой-то! Нет, они сегодня сговорились меня с ума свести! Мерзавцы!

Алла плачет. Диана тоже. Смотрят на Нонну, на ее вздрагивающие плечи.

НЕЛОВКАЯ ПАУЗА.

ВАСЯ. (Вдруг.) Все, Нонна, все! Раз такое дело, раз они так, то - все! Собирайся! Пусть они остаются здесь, а мы - мы с тобой уедем! Нечего! У меня уже тошнота от этих позорных рыл! Рыла позорные вы! Я в этой атмосфере уже задыхаюсь! Слышишь ты, любовь моя! Едем, едем, сейчас же отсюда едем!

АЛЛА. Ай-яй-яй! Куда это ты, интересно, собрался, а? Вы посмотрите на него, как заезжил? Правильно. Она - поедет, я ей уже и чемодан помогла собрать, а ты - сиди и помалкивай тут! Ишь ты, какой бессовестный! Куда это ты поедешь, куда, куда?! Ты о детях наших подумал? Ты забыл, сволочь такая, что у тебя две девочки, две ласточки, две крошечки, две кровиночки, которых надо на ноги поднимать, растить надо! Или что прикажешь - пустить по миру их, да? Безотцовщину плодить, да?! Или вы с Нонночкой их с собой собрались забрать? Нет, это просто какой-то детский лепет на лужайке! Бред какой-то, стыд-позор! Что ты мелешь, что-о?!

ВАСЯ. (Кричит.) Хватит! Молчать! Молчать! Хватит! Наслушался! Твои крошечки уже ходят на танцы! Им скоро по пятнадцать лет будет! Они тебе скоро в подоле принесут! Я им не нужен! Я никому не нужен! Они уже курить умеют! Я сам видел в туалете "бычки"! Они у мамы научились!

АЛЛА. *(Тихо.)* Ты чего орешь-то? Чего мелешь при людях? Опомнись, ты ведь не пьяный...

ВАСЯ. Молчать, сказал! Я им не нужен! А ты - ты глупая, ты - толстая, ты - скверная базарная баба, вот ты кто! Я с тобой говорить не желаю!

АЛЛА. *(Сдерживаясь.)* Спасибо, милый! От, спасибо!

ВАСЯ. Пожалуйста, пожалуйста! Не желаю!

АЛЛА. Я тебе сказала, что ты никуда не поедешь! А пойдешь, пойдешь сейчас домой, понял? Я сказала - домой! Уехать сможешь через мой труп, понял? Только!

ВАСЯ. Нет, уедем! Все равно уедем!

АЛЛА. Нет, не уедешь!

ВАСЯ. Нет, уеду!

АЛЛА. Она - уедет! А ты - даже и не рыпайся! Если жить хочешь!

ДИАНА. *(Встала.)* Ну, что ты споришь, аж на жопу падаешь? Тебе русским языком сказано: не уедешь! Значит - не уедешь!

ВАСЯ. А ты вообще заткнись! Тебя сюда никто не звал! Лезешь в каждую дырку, навозная муха! Какого черта тебе-то надо? Снова сплетни собираешь? Чего ты села не на свою кровать? Она твоя? Марш с чужого места, как с сырого теста! Поняла? Не твое дело тут!

ДИАНА. *(Тоже сдерживается.)* Нет уж, это мое дело. Еще как мое дело! И мое тоже, Вася. Василий Всеволодович. Ишь ты, тихоня, зубки показывает как, а? Погоди у меня. Ну-ка, Алла, расскажи Василию Всеволодовичу, каким образом тут появился Федор Ильич, ну? Как ты думаешь, Вася, почему это он вдруг здесь? Он что, проверял с утра пораньше, как живут молодые артисточки, да? Их быт и устроенность проверял? Да, Вася? Да, Вася! Проверял он! Но только не быт и не устроенность, Вася!

ВАСЯ. Молчать! Не желаю тебя слушать! Сказал - не желаю!

ДИАНА. Нет, Вася, ты послушай, послушай, тебе интересно будет кое-что узнать! Расскажи-ка ему, Алла, как тут Федор Ильич гулял по комнате Нонночки, возлюбленной твоей, Вася, гулял в одних трусах! Ну? Расскажи ему, как тут Федор Ильич занимался... занимался палкотерапией!!! *(Кричит.)* Расскажи! Дурак такой! Кретин! Ни черта котелок не варит! Идиотина безмозглая! Дебил!

ВАСЯ. Молчать! Молчать! Не желаю слушать! Пошли вон отсюда! Обе! Противные гнусные толстые бабы! Понятно вам?!

ДИАНА. *(Тихо, оскорбленно.)* Я тебе дам сейчас толстую... Я тебе дам сейчас такую толстую, что ты и не встанешь, понял? Я тебе дам... *(Заплакала.)* Где оскорбленному есть чувству уголок? Мужчины, мужики называются! Да есть ли тут среди вас настоящие джентльмены, кто мог бы защитить от гнусных оскорблений маленькую несчастную одинокую женщину?! Кто защитит меня от гнусных посягательств на мою израненную душу?! Кто?!!!!

Пауза.

ФЕДОР. *(Глядя в окно.)* Наша родина родная вся цветет, как маков цвет. Окромя явлений счастья никаких явлений нет...

Федор курит папиросу. Василий в замешательстве оглядывается.

ВАСЯ. Федор Ильич, что это такое она сказала сейчас? Я не понял, в чем дело? Нет, я требую, требую, чтобы вы сейчас же опровергли эту гнусную ложь! Ну?!

ФЕДОР. *(Твердо.)* Вася! Дорогой Вася! Уважаемый Вася! То есть, Василий... Васек... Да, да, Васек... Послушай, Васек, дело в том, что мы с Нонной решили пожениться... *(Стонет.)* Да, да, да. Я сделал ей предложение. И она мне дала согласие. Понял, Васек? Ты

здесь - третий лишний... И вы все тоже... Попрошу вас всех немедленно очистить помещение! Да дайте же вы мне спокойно поговорить с человеком, с глазу на глаз поговорить дайте! Не мешайте вы мне все понять до конца!

Пауза.

ВАСЯ. *(Встал с коленей.)* Я вам не Вася... *(Угрожающе.)* Я вам не Вася... Меня зовут Василий Всеволодович. Понятно?! На “вы” и шепотом! Нонна, ну-ка, скажи: это правда? Правда? Правда, ну?

АЛЛА. *(Хохочет.)* Нарасхват наша курица! Нарасхват! Сдурели оба! Сдвинулись! Говна наелись!

ВАСЯ. Молчать! Молчать, сказал! Нонна, скажи, правда то, что этот вот сейчас сказал? Ну? Отвечай быстро! Нет, не торопись... Нонна, подумай сначала хорошенько, а потом говори... Все взвесь! С кондачка - не надо!

ДИАНА. *(Кричит.)* Дебилы! Кретины! Крокодилы! Такие бабы вокруг них, а они?! Противно мне! Тьфу! Психоз всеобщий! Дурдом на выезде! Сволочи! Негодяи! Бегемоты!

ВАСЯ. Нонна, скажи громко, вслух, чтобы все слышали... Скажи мне то, что ты говорила позавчера, ну? Скажи, что ты моя и только моя, ну?!

АЛЛА. *(Рыдает.)* Ужас! И это он при живой жене говорит! При живых детях - такое! При двух крошечках, двух кровиночках, двух ласточках!

ФЕДОР. Нонна, ответь ему, пусть Василий Всеволодович уйдут! У него вон жена... какая! Пусть уходит! А у меня никого нет! Ты ведь мне уже пообещала!

ДИАНА. Федя, Федя, как вам не стыдно! Как некрасиво с твоей стороны при мне говорить такое!

ФЕДОР. Я вам не Федя! Я вам давным-давно не муж! А формальности мы с вами оформим хоть на днях! Не трогайте меня! Уходите отсюда! Вы лезете не в свое дело! Я вам не Федя, а Федор Ильич, ясно?!

ДИАНА. Опомнись, Федя! Во имя всего святого, что связывало нас с тобой! Опомнись, ты ведь еще не пьяный! Не все потеряно, Федя! Мы можем и должны быть вместе!

ФЕДОР. Нет, я нашел свою единственную и настоящую любовь! Вот она, на этой кровати лежит! Поруганная, несчастная, сотрясаемая от рыданий! Я ей все прощу! У нее это случайно вышло! Она не хотела! Ее силой заставили! Она стала жертвой обстоятельств! Она любит меня, а я люблю ее! Я принадлежу только ей и все! Ты слышишь, любовь моя?!

АЛЛА. Какие козлы... Нет, вы только посмотрите, товарищи, какие козлы...

ФЕДОР. Скажи им, Нонна, что дело обстоит именно так, как я сказал!

ВАСЯ. Скажи! Скажи!

АЛЛА. Курица, говори, говори, чтоб тебе пусто было!

ДИАНА. Только пикни, что не надо, только пикни!

Пауза.

Нонна рыдает. Подняла голову с подушки.

О, нет! Она - хохочет! Да еще так заразительно, так радостно!

Встала на кровати, показывает на Аллу, Диану, Федора и Василия пальцем. Все от ужаса замерли, отодвинулись к дверям.

АЛЛА. *(Шепотом.)* Ты чего это? Чего это она? Товарищи, в чем дело? Она с ума сошла, что ли? Чего это ты, а? Клепки из головы вывалились? Чего смеешься? Над чем смеешься, а? Над собой смеешься?

Нонна стоит на кровати, хохочет.

НОННА. Помолчи, ты! Великая русская артистка! Ермолова! Тарасова! Вы посмотрите на нее! Да ты чеканулась уже со своим муженьком! Забери ты его, недоделанного, нужен он мне сто лет! *(Федору.)* И ты, дядя, гуляй. Иди вон к своей тумбе, обнимай ее, целуй, облизывай, на хлеб намазывай, тоже мне! Да вы сами курицы вареные, вокзальные, неошипанные! Кому вы, дуры толстые, нужны? Две вешалки! Старое пальто с продрысью! Как от вас мужики не побегут? Конечно, побегут! “Наши, наши, никому не отдадим!” Да заберите вы их, заберите, жмотины противные! Мне вашего на надо! Нате, нате!

Бегает по комнате, собирает оставшиеся вещи в чемодан, быстро переодевается. Долго ли голому одеться - подпоясаться...

Спасибо, коллеги, что чемоданчик помогли собрать! Спасибо, толстухи! Две квашни! Да я по сравнению с вами балерина, ласточка! Я еще слежу за со- бой! Потому-то они на меня, как мухи на мед, и летят, поняли? Эх вы... Плевать я на вас хотела! Да оставайтесь вы тут, в своем Кислодрищенске, играйте вы свои роли... Посмотрите на них: к ним на кривой кобыле не подъедешь! Сели, заняли место, никому ходу не дают! Да вы до пенсии Джульетту играть будете! Все девочками придуриваетесь! Ну и играйте! Ждите ваших ролей, ставок, званий, квартир! А я, пока молодая, полмира объезжу! Дура, еще топиться хотела из-за них! Да было бы из-за чего... Сколько я в вашу конуру принесла развлечений, а? Вы меня всю жизнь вспоминать будете! Кто из вас еще так может, а? С двумя мужиками переспать, захомутать их так, чтоб они аж ползти за вами готовы были бы! Ну, кто? Ты? Или ты? Фигушку с дрыгушкой! Из-за вас только на кладбище поползут! *(Васе, потрепав его по щеке рукой.)* Вот так, мальчик мой. “Пусть эти грустные глаза тебе покажутся чужими. Когда забудешь про меня, что хочешь сделай с ними!” На! *(Сняла со стены фотографию, протянула Васе.)* Держи. На память. Вспоминай меня. Помни, как мы любили друг друга! Ровно неделю!

Хохочет. Скинула у всех на виду все с себя. Секунду покрасовалась, вильнула телом. Тут же накинула на себя другое платье. Стоя перед зеркалом, взбила на голове волосы, что-то напевая, быстренько провела помадой по губам. Накинула на себя плащ.

Кажется - готова?

(Федору.) И вам до свидания, дорогуша мой! “Кто любит более тебя, пусть пишет далее меня!” Понял? Прощай, старый пер! Да, да, самый ты настоящий старый пер! И что ты мне на “бирже” заливал, обещал, помнишь? Врун, ботало старое! “Поедем на гастроли в Коста-Рику, потом в Японию!” Говорил: мол, мы договорились с одним кооперативом из Воркуты, чтобы они нам сделали такие гастроли! Где она, твоя Япония, япона мать? Врал ведь! Дура я, дура... *(Схватила чемодан.)* Ладно. Все. Давайте. Загнивайте дальше. А у меня в Борисоглебске знакомый режиссер. Примет - с распростертыми. Давно зовет. А вы, девочки, девочек играйте! Господи, а роли-то какие, в каких пьесах! Одни названия ваших пьес чего стоят: “Подводная лодка в степях Казахстана”, “Вокруг бани без штанов”, “Туши свет, бросай гранату”! Ну и играйте. Утром репетиция, так ты, Феденька, введи на мою роль вот эту мымру! *(Ткнула пальцем в Аллу.)* Ну, не нравится эта - вот эту возьми. Она тебе роднее, кажется! *(Хохочет.)* Одна другой толще! Все. Радуйся, курица: ты своего добила - на шайтан-арбу пошла я! Ту-ту! Прощай, кодла!

Встала у порога - тоненькая, красивенькая. Осмотрела комнату.

Хлопнула дверью так, что штукатурка с потолка посыпалась.

ГРО-БО-ВО-Е МОЛ-ЧА-НИ-Е.

Вася сел на кровать. Алла смотрит на Диану. Федор - в пол.

ФЕДОР. *(Сам себе, тихо.)* Хорошо тебе, Катя, а мне еще водевиль играть...

АЛЛА. *(Закурила, Диане:)* Может, догнать ее?

ДИАНА. *(Смотрит на Федора.)* Зачем? Она умненькая девочка. Она все поняла. Ничего, что обозвала нас. Ничего. Может, она и права. Надо перестраиваться. Алла, и в газетах про то же пишут: пора перестраиваться. Зарядку, диету и прочее. Правда, Федя? Не надо ее останавливать. Зачем? Если она решила - пусть едет. Она правильно поступает. Мы теперь не сможем работать вместе в одном театре. Кто-то должен был уйти с пути. Таков закон. Верно, Федя? Фу-у, у меня гора с плеч свалилась... Все так просто и решилось...

АЛЛА. Нет, ты меня не поняла. Я говорю: может, догнать ее и набить ей рожу? Вылить вот эту зеленку на голову? А?

ДИАНА. Зачем? Мы интеллигентные люди. Правда, много вводов придется делать, она ведь, все-таки, что-то играла. И потеря одного члена коллектива для театра всегда трагедия... *(Кашлянула.)* Хорошо, что у нас в труппе есть опытные актрисы, которые могут с успехом заменить ее. Правда, Федя?

АЛЛА. А что, по-твоему, скушать все помои, которыми она нас тут угостила? Так, что ли? Сообрази сама!

ДИАНА. *(Тихо, настойчиво.)* Ничего, Алла. Ничего. Это все - семечки-значки-пистоны. Мелочевка. Брань на вороту не виснет. Собака лает - караван идет. Сиди тихо. Иногда следует поступаться принципами.

АЛЛА. Не могу поступиться принципами!!!! *(Кинулась к двери.)*

ДИАНА. *(Рывкнула.)* Сядь сказала! Смирно!!!

МОЛЧАНИЕ.

Алла села. Оглядывается.

(Незаметно толкнула Аллу в бок.) Тихо. Тихо. Пусть едет. Понимаешь? Пусть е-де-т. Тихо.

АЛЛА. *(Разводит руками.)* Нет, ну она тут такого наговорила, такого... *(Диане, шепотом.)* Она ведь нас всех оскорбила, понимаешь? *(Громко.)* Федор Ильи, что же вы молчите? Скажите хоть что-нибудь?

ФЕДОР. *(Грустно.)* Что я должен сказать?

АЛЛА. Ну, не знаю. Вы ведь тут среди нас главный!

ФЕДОР. Да никто тут не главный. Ничего говорить я не буду. Стыдно мне и противно. О, горе мне, горе! *(Сел на кровать, закрыл лицо руками.)*

АЛЛА. Мы не пьесу репетируем, Федор Ильич, не пьесу! Это жизнь, Федор Ильич, а не заготовка! Тут нет продуманных диалогов! И потому вы должны сказать то, что думаете! То есть, то, что надо!

ФЕДОР. *(Молчит.)* Я думаю только об одном: как мне не хочется жить... Раньше я думал, что никогда, никогда не устану жить. Но оказалось, что - вот, я дожил до момента, когда хочется лечь в гроб, чтобы тебя понесли с музыкой. С такой, знаете ли, проникновенной, усыпляющей и успокаивающей музыкой! "Трам-там-та-там-та, трам-та-та-та-та-тамммм!!!" *(Плачет.)*

АЛЛА. Ну, ну. Прекратите психоз. Что это вы себя хороните? Из-за чего? Из-за этого? Напрасно. Хороший урок на будущую жизнь вот и все. Ну? Вы поняли цену этой чистой девушке? Поняли? Боже мой, что она тут такое плела! Вот ее истинные мысли! А вы, Федор Ильич, извините, и сопли уже распустили перед ней. Надо, Федор Ильич, различать людей, видеть не внешние проявления любви, нет, не внешние...

ДИАНА. Правильно, Федор Ильич, не внешние! Нет, не внешние!

ФЕДОР. *(Кричит.)* Что вы такое говорите?! Помолчите! Надоело! Вы так ничего и не поняли! *(Печально.)* Позвольте вам представиться: я человек без будущего. Да, да! Оно всегда было у меня, мое будущее. Я думал, что вот, завтра или послезавтра, наконец-то,

начнется моя жизнь по-настоящему. А то, что происходит сейчас - это только репетиция настоящей жизни... Вот, думал я, через год, через два, через три будет жизнь, думал я! А она уходит, уходит... Ее уже почти нет, не осталось... Раньше я нес свое будущее в руках, как красивый торт, боялся уронить, опрокинуть его на грязную землю... Сладкое, вкусное, придуманное, светлое мое будущее... Его нет. Нет! Нет! Все растоптано.

АЛЛА. Ну хватит молоть чепуху! Что за красоты? Из-за чего вы ноете? Можете вы мне это сказать или нет? Из-за этой, извините, мочалки? Сикухи?

ФЕДОР. Она здесь не при чем. Я давно забыл о ней.

АЛЛА. Вот она, вот она - ваша любовь! Просто похоть, а не любовь! Только она на порог - из головы уже вылетела! Молодцы оба, что скажешь еще! Все. *(Вздыхнула.)* Вася, пошли. Домой пора. Хватит тут сидеть. Взяли попки в горсть и подпрыгнули. Пошли.

ФЕДОР. Да, да. Она здесь не при чем. Она просто помогла мне еще раз понять, глубоко осмыслить всю мою бездарность, и никчемность, ненужность, без, так сказать, будущность моей жизни... Очень просто.

ДИАНА. Ну вот, начинается "Песня о Ленине"! Хватит! Ну, чего расплакался-то? Из-за ерунды! Тьфу, Господи! Пойдемте, Федор Ильич. Я провожу вас. Вам сейчас нужно, чтобы кто-нибудь был рядом с вами. Такое потрясение. Я понимаю. Нет, нет! Я говорю без иронии, у меня тоже когда-то было нечто подобное...

АЛЛА. Ну, пошли, Вася. Уходите, Федор Ильич. Все. Концерт окончен. Аллес. Конец фильма. Ценок амьлиф. Амба. Пошли. Хватит, хватит сидеть тут, страдать, Вася. Она оболгала наш театр! А мы - его патриоты! Мы любим наш ДДТ - Дощатовский драматический театр! Да! А таких залетных птиц, как она, мы на своем веку видели да видели! Надеюсь, вы понимаете, что все происшедшее должно оставаться в глубокой тайне. Промолчим. Федор Ильич, не болтайте лишнего. Зачем давать кому-то повод чесать языки? *(Злобно.)* Столько гнид в этом долбаном театре развелось, что сил нету... Но я теперь-то я буду мудрее, мудрее! Я им всем отомщу, что в известность меня не поставили! *(Пауза.)* Вася, ну, хватит? Я ухожу. Пошли тоже. Идем быстро. Девочкам в школу пора собираться. В магазин надо зайти. Хлеба купить. Молока купить, макарон. Ну, Вася? Я говорю: в доме пусто, шаром покати. Дети плачут, ждут нас, ты слышишь? Две девочки, две крошечки, две кровиночки, две ласточки тянут к тебе ручонками и кличут: "Папа! Папа!" Какое злодеяние... *(Помолчала.)* Вася, дай мне "чирик". Все деньги у тебя, у меня не осталось ничего уже. Молока надо, масла, макарон... *(Роется в сумочке, что-то бормочет.)*

Василий вдруг вскакивает. Слезы текут градом по его лицу. Волосы торчат в разные стороны. Он обезумел! Глаза - горят!

ВАСЯ. *(Кричит, что есть силы.)* Иди, иди, иди! Иди быстрее к своим макаронам! К своим сосискам, к тушеной капусте! Беги, торопись, падай! Иди в свою ненаглядную квартиру, чтоб она вместе с тобой провалилась в тартарары! Иди! Меня ты больше никогда не увидишь! Никогда, ты слышишь меня? Только здесь, в этой комнате я был счастлив много лет назад! А все остальное время жизнь с тобой - мука! Зачем я живу?! Для чего? Для тебя, для твоих прихотей?! Ты задавила меня своим мещанством! Тебе хрустали подавай, как у соседей! Чтоб ковры были! Чтоб ковры эти сожрала моль, как жрет мою душу черная тоска! Тоска в этом городе! От этой жизни тоска! Все! Все! Хватит мучаться! Повешусь, повешусь, повешусь! Хватит!

Схватил валяющуюся на полу веревку, вскочил на табурет, закинул веревку на крюк, делает петлю.

Зачем мне жить? Сердце мое разбито! Нету просвета, нету выхода! Только серые районные будни! И больше ничего! Ни одного праздника! Повешусь, хватит мучаться! Хватит! Хватит! Хватит!

Алла остолбенела, разинула рот.

АЛЛА. (Пораженно.) Да ты чего это, Вася? Ты с ума сошел, что ли? Какие ковры, какие хрустали? В чем я виновата, ты чего, Вася? Я ведь тебя всю жизнь в артисты тащила, книжки тебе умные подсовывала, я же тебе всегда только добра желала. Вася... Одумайся, чего ты говоришь, опомнись, я ведь не пьяная... Иди сюда, сядь, не позорься перед людьми, Василий, что ты делаешь?!

ФЕДОР. (Вдруг тоже заорал, что есть силы.) Нет! Нет! Я буду первый! Первый буду болтаться в петле! Пусти меня, Вася!

ВАСЯ. Уйди с дороги, не лезь, отстань, сказал! Это мой крюк, я его сам лично вбивал! Своими руками! Значит, я буду вешаться, а не ты! Иди вон, вбей себе и вешайся на здоровье! Пусти!

ФЕДОР. Нет, Вася, ты должен пустить меня! Пойми, Вася, что я - человек без будущего! Ты еще молодой, у тебя все есть, а я и секунды в этой жизни не выдержу! У меня сердце лопнет сейчас! Пусти, Вася, прошу тебя пусти, пусти, пусти!!!...

ДИАНА. Феденька, Феденька... что же ты делаешь, опомнись! Я ведь рядом, давай, начнем все сначала, я буду другой... Я стану другой, Федя, погоди, постой, слышишь меня...

Вася завязывает веревку. Никак у него петля не получается.

ФЕДОР. (Кричит.) Что тебе еще от меня надо? Что ты хочешь? Ну?! Ведь ты ненавидишь меня и всю жизнь ненавидела! Тебе только нравится называться женой главного режиссера! Получать роли и больше ничего! Ты меня за должность при себе держала, ты меня за человека никогда не принимала, я для тебя - пустое место! Никто меня не любит и любить не может! Я старый пер, правильно она сказала! Пусти, Вася!

ДИАНА. (Испуганно.) Нет, нет, Федя, ты - молодой еще пер...

ФЕДОР. Ты злая, ехидная, ты ненавидишь всех! Да! Это ты всем в театре клички придумываешь! Ты, ты одна! Аллу зовешь "Челюсть", пусть она знает - твоя лучшая подруга!

АЛЛА. (У нее челюсть до пола отвисла.) Ка-а-ак?!

ФЕДОР. Да, да, "Челюсть"! Степанова зовешь "Стопка-Стёпка", Торшина - "Торшером", а Васю - "Жопа-с-Ручкой"! А меня - меня "Швондером" назвала! Мне доложили! Скажешь, не так, да? И это твоя любовь? Да я от этой гнусной клички теперь до гроба не отмоюсь! Ты, ты, ты! Какой я тебе Швондер? Пусти, Вася, я сам завяжу узелок!

ДИАНА. (Удивленно.) Господи, да что тут такого? Боже ж ты мой! Теперь из-за этого в петлю? Да "Швондер" - герой был такой у Булгакова, вот так! Гордиться надо! Это ведь у Булгакова, а не у Пипкина какого-нибудь! Ну? Это ведь я не со злобы, а любя!

ФЕДОР. Любя? Тараканы так друг дружку любят, бошки при этом друг у друга откусывают! Тараканья твоя любовь! Пусти, Вася, кому сказал, я - главный режиссер, значит - я буду первый в очереди!

ВАСЯ. Нет, я первый! Я несчастней тебя!

АЛЛА. Вася... Вася... Перестань... Тут посторонние люди, что они о нас с тобой подумают... Вася, Вася...

ВАСЯ. Заткнись! Я первый!

ФЕДОР. Нет, я! Я несчастней!

ВАСЯ. Ты вон - главный режиссер, а я - нуль без палочки! Она меня всю жизнь из-за этого точит! Пусти, сказал!

ФЕДОР. Да говно я, а не режиссер! Пусти, Вася, пока я не передумал! Не порти мне последние секунды моей жизни!

ВАСЯ. Не пущу! Я буду первый!

ФЕДОР. Пусти! Пусти! Пусти!

Дерутся из-за веревки. Женщины стоят, разинув рты. Вася и Федя дергают веревку, крюк вместе с куском иштукатурки вываливается на их головы. Оба падают. Сидят, бедные, на полу, как мукой обсыпанные. Сидят, плачут.

МОЛЧАНИЕ.

Снова застучали в стены, запричитали: "Да что же это такое? Нет больше сил, Господи! Прекратите! Заткнитесь! Дайте же нам спать, сволочуги! Хватит!!!"

ФЕДОР. *(Вскочил, орет в стену.)* У нас за все заплачено! Молчать! Не ваше собачье дело!

ВАСЯ. Это наша квартира! Что хотим, то и делаем! Спите, кто вам не дает!

ДИАНА. Мы вот милицию на вас вызовем! Не дадут людям повеситься, как следует! Поорите еще тут! Кто вы нам такие, чтобы указывать?!

АЛЛА. Не мешайте! Что хотят, то пусть и делают! Мы свободные люди, ну?!

МОЛЧАНИЕ.

Смотрят друг на друга. Алла зарыдала. Села на пол. Обнимает Васю, целует его. Диана целует и обнимает Федора.

АЛЛА. Васенька-а-а-а... Что ты надумал?! Миленький ты мой?! Что с тобой стало вдруг?! Васенька? С ума ты сошел, что ли? Я ли тебя не любила, я ли тебя не холила, я ли тебя не лелеяла?! Васенька?! Ты не подумал, когда в петлю лез, что я без тебя буду делать? Я ведь люблю тебя! Я и минутки без тебя не проживу на свете! А как девки-то наши будут без тебя, ты подумал? Сиротами, ага? Ты ведь сам хотел их после десятого класса везти в Москву в "Щепку" или в "Щуку"! Вспомни, как мы с тобой мечтали, что из них получится! Помнишь? Забыл, да? Очнись, зачем же в петлю-то, Васенька, дорогой, любимый, единственный, любимый мой?!

Пауза.

ВАСЯ. *(Хлюпает носом.)* Скажи мне еще раз то, что ты мне сказала сейчас... Прошу, повтори эту реплику...

АЛЛА. *(Вытирает Васе слезы.)* Эх, мандалай ты, мандалай, чучмек ты неумытый...

ВАСЯ. *(Капризно.)* Нет, нет, нет! То, что ты сейчас сказала - повтори!

АЛЛА. *(Кашлянула, вспомнила.)* Зачем же в петлю-то, Вася?

ВАСЯ. Не это! Скажи, что я - миленький! Что я твой любименький! Скажи!

АЛЛА. *(На коленях перед Васей.)* Господи! Ты мой миленький! Ты мой любименький! Ты мой славненький! Ты моя крохотулечка! Ты моя ласточка! Ты моя кровиночка! Так бы и съела с потрохами, мою рыбоньку! Губки эти миленькие! Глазки эти чудненькие! Славненькие! Бровки мои ненаглядненькие! Лысинка моя чудненькая! Дай, я поцелую ее, мою ласточку! Бесценный мой Васенька! Зацелую тебя, моего хорошего! Ню, ню, ню? Вытли слезки, долегой мой, поцилуй свою мамочку, свою ненаглядную зенуску, ню, ню?

ВАСЯ. *(Рыдает.)* Ты... ты... ты никогда мне таких слов не говорила! Никогда! Только: "На! Убери! Торопись! Скорее! Быстрее! Что встал на пороге! Иди!" Ни одного доброго слова! Ни единого!

АЛЛА. *(Тихо.)* А она говорила тебе?

ВАСЯ. *(С вызовом.)* А она - говорила! Еще как говорила! Говорила, что возьмет меня на руки и будет как ребенка маленького баюкать! Вот так!

АЛЛА. *(Тихо.)* Ну, курица... Надорвалась бы, пупок бы развязался... *(Васе.)* Дак и я могу тебя баюкать, миленький! Могу! Еще как могу! Разве у меня силы не хватит? Сейчас запеленаю тебя и буду баюкать, моя ласточка!

Одним рывком подняла Васю с пола, пронесла по комнате, уложила на кровать.

ВАСЯ. *(Обиженно.)* Ага, как же... Дождешься от тебя... Ты сроду-роду ласкового слова не скажешь...

АЛЛА. Васенька! Миленький мой! Славненький мой! Прости меня! Я была не права! Да, не права! Я ведь думала, что все ласковые слова - они сами собой подразумеваются, понимаешь? Я думала: ну, зачем же их повторять на дня двадцать раз? Я думала, что ты и так знаешь, что ты самый умный, самый хороший, самый ласковый, самый красивый! Самый лучший мужик из мужиков!

ВАСЯ. Откуда ты знаешь?

АЛЛА. Да нет, я это так просто, к слову... Догадываюсь! Вася! Прости меня! Я думала, что ты и так все понимаешь, без моих слов!

ВАСЯ. Думала... Думала ты... Много ты чего себе думала...

АЛЛА. Прости, Васенька, прости, миленький... Ну, ну. Тихо. Тихо. Чего ты? Ну? Не плачь. Не надо. Ну зачем же при людях-то?

ВАСЯ. Да, да! От тебя доброго слова не дождешься! Жадина-говядина, соленый огурец, на полу валяется, никто его не ест! Это -ты!

АЛЛА. *(Смеется.)* Ну, засобирал, засобирал всякую чушь. Не болтай. Хватит. Все. Все. Я все поняла. Теперь все будет иначе. Понимаешь? Совсем не так все будет. Это у тебя, конечно, от жареной картошки голова закружилась...

ВАСЯ. Да при чем тут картошка?

АЛЛА. Ну, я-то знаю, при чем... Давай, в другой город уедем, а? Куда глаза глядят возьмем и уедем? Нас с тобой везде возьмут, в любой театр возьмут с распростертыми... Актриса я хорошая, ты - хозяйственник замечательный, администратор... Ну? Уедем? Зачем же нам томиться, дожидаясь счастья? *(Закашлялась. Пауза. Обнялись, заплакали.)*

ДИАНА. *(Все это время успокаивала Федора, гладила его по плечу.)* Феденька, а может, и нам начать все сначала, а? Попробуем? Давай, я из театра уйду? К черту его! У меня вон на конфетной фабрике знакомые есть, они давно к себе зовут начальником цеха работать, а? Буду тебе конфетки шоколадные каждый день домой воровать, а? Хочешь конфетку, Федя? Хочешь, нет? Скажи, Федя, ну?

ФЕДОР. *(Рыдает.)* Хочу-у-у...

ДИАНА. Ну, значит, будут тебе конфетки. Так и сделаем, значит. И зачем тебе эта мука со мной в театре? Уйду. Ты вот мне роли даешь, а мне их - не надо. Не надо, Федя! Ей-богу! Мне семью надо, мужика, детей... Двух бы деточек, двух бы кровиночек, двух ласточек, двух крошечек... А, Федя? Может, еще успеем? Я не старая, вроде... Еще пока. Успеем, Федя, как ты думаешь? Я тебя теперь и обстираю, и накормлю, я как вся страна перестроюсь! Честное слово, Федя, я научусь! Книжки по домоводству читать буду, а, Федя, хочешь?

ФЕДОР. *(Рыдает.)* Хочу-у-у...

ДИАНА. Ну и славненько. Вот и хорошо, вот и мило... Вот мы и опомнились, а то как пьяные будто... Ну, пошли, Феденька...

АЛЛА. Пошли, Васенька...

Встали, взялись за руки, пошли к дверям.

ОГЛУШИТЕЛЬНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ.

В дверях комнаты давно уже стоят обитатели общежития. Едва проснулись и потому кто в чем: в старых драных майках, в замызганных халатах, растрепанные, в бигудях. Восторженно смотрят на Аллу, Диану, Василия и Федора. Хлопают во все ладоши.

КРИКИ. Брава!!! Брава!!! Алла Кострова! Диана Раскольников! Бра-а-ава-а-а-а! Ура-а-а! Бис! Ура-а-а-а! Мо-лод-цы!!!

Как громом пораженные, Алла, Диана, Вася и Федор не двигаются с места. Пришли в себя. Вдруг взяли за руки, принялись кланяться. Идут к двери, то есть к зрителю, потом - от зрителя, посылают воздушные поцелуи. Аплодисменты стихли.

ДЕВУШКА. Вы уж извините, товарищи вахтеры, что мы вам помешали... Но вы так классно играли, что мы вон даже захлопали... А как эта ваша премьера новой постановки называется?

ПАРЕНЬ. Мы к вам обязательно придем, посмотрим, ага, ребята? Культурно так... Культпоход сделаем... А я вас узнал, в момент... Гы-гы. Интересно, вааще-та... Про жизнь, жизненно, вааще-та...

ДЕВУШКА. А мы-то думали: скандал, скандал, а тут, стало быть, вы... Репетируете, ага? Ну, блин! Ура!

ПАРЕНЬ. Я, вааще-та, первый раз живых артистов вижу... Классные какие живые артисты...

ДЕВУШКА. А вы тут все время теперь у нас будете выступать, ага? Бесплатно или за деньги? Мы и за деньги согласные. Если вот так вот...

ПАРЕНЬ. Дура, они тут кооператив откроют, ага? Видеосалон такой... Видеосалон “Зеленый веник”, ага? Поняла, дура? Ничего не поняла, шалава!

ДЕВУШКА. Ну, вы даете, ешь-твою клешь, жару... Ну, ек-макарек...

ПАРЕНЬ. Ну, ладно, пошли по комнатам, чего zenки пялить, дуры... Мешаете, ну? Это артисты кинотеатра выступают тут... Расходитесь! Нарушениям места на было! Все, расходитесь! А я-то думал: че тут такое? А тут - вон че такое...

Снова аплодисменты.

ФЕДОР. *(Опомнился, суетливо.)* Товарищи, товарищи! Попрошу освободить помещение! Нам нужно продолжить наше... наше... э-э-э... работу! Всего вам доброго, до свидания!

Вытолкал всех, закрыл двери, осматривает Диану, Васю, Аллу.

АЛЛА. *(Возбужденно, суетливо.)* Хорошо, что я в черной кофточке сегодня? Ага? Это, наверное, хорошо оттеняет лицо, смотрится, да, Вася?

ДИАНА. *(Подводит губы, смотрит в зеркальце, возбужденно.)* А у меня прическа не поломалась, нет? Я смотрелась, правда, Федя? Особенно когда слезу пустила - замечательное было место, по-моему, правда? *(Счастливо смеется.)*

ВАСЯ. *(Взвинчен.)* А какие я говорил реплики? Я забыл уже! Ах, в сильных местах себя не помню! Теперь валом повалят на наши спектакли, как сплетня по Дощатову пройдет!

ОГРОМНОЕ ВДРУГ МОЛЧАНИЕ.

Стоят, смотрят друг на друга. Очень долго стоят и молчат

ДИАНА. Вот так...

АЛЛА. *(Тихо.)* Пошли по домам... Хватит позориться...

ДИАНА. Правильно... Пора домой уже...

ФЕДОР. В одиннадцать репетиция... Пошли...

ВАСЯ. Я совсем забыл... Мне надо было с самого утра в театр... Надо подготовить фронт работ...

АЛЛА. Каких работ?

ВАСЯ. Тараканов сегодня в театре будут морить...

МОЛЧАНИЕ.

ФЕДОР. *(Подойшел к окну, рванул ручку рамы, свежий ветер ворвался в комнату, пошел гулять, шевелить газеты и прически.)* Жизнь - распашонка... Коротенькая и обосранная. Простите, вырвалось...

АЛЛА. Да что там... Так и есть...

ДИАНА. *(Смотрит в окно.)* А на улице лето... Скоро гастроли... Все куда-то торопятся, живут, смеются... А мы вот сидим тут, пьесу какую-то из нашей жизни разыгрываем... Как называется?

ВАСЯ. *(Смотрит в окно, тихо.)* Пьеса называется - "Курица"...

АЛЛА. *(Молчит, потом негромко:)* И главная мысль в ней: а не удавиться ли, а?

ФЕДОР. *(Тихо.)* Надо жить... Мы еще увидим небо в алмазах... Мы увидим, как все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка... Мы увидим небо в алмазах...

АЛЛА. Никогда мы его не увидим...

ДИАНА. Никогда...

ВАСЯ. Никогда...

ФЕДОР. Увидим... Должны увидеть... Мы увидим... Мы увидим... Увидим... *(Смотрит в окно.)* Смотрите! Это Нонна! Смотрите! Она сидит на скамеечке! Вон, вон, вон там! Она никуда не уехала! Сидит, сидит! Смотрите!

АЛЛА. Да куда ей деться... *(Грустно.)* Кому она нужна? Курица!!!!

И вот уже не птички поют во дворе общежития на улице, а звучит вальс из "Принцессы Турандот".

Тревожная, театральная музыка...

Актеры сняли грим, парики, поклонились зрителю.

Сели, смотря людям прямо в глаза.

**ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС**

КОНЕЦ

*город Свердловск
ноябрь 1989 года*